

ПУТЕШЕСТВІЕ
Й О Р И К А

ПО ФРАНЦІИ,

или

*забавныя и остроумныя замѣ-
танія и живописныя оттѣнки
нравовъ и характера Француз-
скаго народа до Революціи.*

*Сочиненіе извѣстнаго Англинскаго
Писателя Гна. Стерна.*

Изданное по его смерти другомъ его
Евгениемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переводъ съ подлинника.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1806 года.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
утрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Университета.*

ПУТЕШЕСТВІЕ
И О Р И К А
ПО ФРАНЦІИ.

Горничная дѣвушка.

Мнѣніе стараго Офицера о путешествіяхъ напомнило мнѣ совѣщанія Полонія, которые далъ онъ на подобный случай своему сыну; эти совѣщанія напомнили мнѣ Гамлета; а Гамлетъ напомнилъ мнѣ о другихъ твореніяхъ Шекспира. Идучи назадъ зашелъ я въ книжную лавку, чтобъ купить его сочиненія.

Книгопродавецъ сказалъ мнѣ, что хотя у него и много есть Шекспировыхъ твореній, но полного собранія нѣтъ. —

А это что? спросилъ я, увидѣвъ на прилавкѣ цѣлой экземпляръ.

„Это чужія книги, отвѣчалъ онъ: Графъ Б*, сего дня по утру пригладъ ихъ ко мнѣ, отдашь въ переплетъ.“ —

Что онъ будетъ съ ними дѣлать? не ужели Графъ Б* читаетъ Шекспира? —

„О, сударь! прервалъ книгопродавецъ: онъ преумной человекъ! . . . онъ очень любитъ Англискія книги, а Англичанъ и того больше.“

Вы такъ вѣжливы, продолжалъ я, что заславите всякаго Англичанина, въ благодарности, купитъ у васъ на нѣсколько луйдоровъ.

Книгопродавецъ поклонился, и только хотѣлъ что-то говорить, какъ вдругъ вошла въ лавку *дѣвушка* — лѣтъ около двадцати, очень порядочно одѣтая. Взглянувъ на нее, не знаю почему-то можно было догадываться, что она жила въ услуженіи у какой нибудь модной боготомки. „Пожалуйте мнѣ книгу: *Заблужденіе сердца и разума,*“

сказала она. Книгопродавецъ ей подалъ; а *дѣвчушка* вынувъ изъ кармана маленькой, апласной, зеленой кошелекъ, съ снуркомъ шакого же цвѣта, въ копорой она съ нѣжноспію, но безъ жеманства, опустила два пальчика, достала деньги и заплашила. Ни что не могло меня тогда удержашь въ лавкѣ — я полетѣлъ за нею.

На что тебѣ, моя милая! спросилъ я ее, *Заблужденіе сердца*? Не уже ли ты знаешь, что шакое заблужденіе сердца? Можетъ быть тебѣ истолковала это любовь? или какой нибудь невѣрной паспущокъ далъ тебѣ объ этомъ понятіе?

„Боже меня сохрани!“ отвѣчала она. —

Вѣрю, милая, вѣрю! Ты имѣешь не испорченное сердце, и жалко будетъ, когда оно попадетъ въ заблужденіе. Это шакое неоцѣненное богатство, которое украситъ тебя несравненно лучше, нежели всѣ жемчуги и алмазы.

Двушка держала кошелекъ за снурочикъ и слушала меня очень внимательно. — Кошелекъ твой не слишкомъ тяжель, сказалъ я взявъ его у нее; но что до этого! естли будешь ты также добродѣтельна, какъ и прекрасна, то Богъ наполнитъ его. У меня въ рукахъ было пять, или шесть ефимковъ, которые вынулъ — было на покупку Шекспира: одинъ изъ нихъ положилъ я въ ея кошелекъ, и, задернувъ его снуркомъ, отдалъ ей.

Двушка поблагодарила меня ласковымъ поклономъ. Я понялъ его; онъ означалъ скромное, сердечное изліяніе благодарности, въ которомъ всего болѣе участвовало сердце. Въ такихъ случаяхъ оно всегда производитъ подобныя движенія. Никогда и ни одной женщиной не давалъ я денегъ съ такимъ большимъ удовольствіемъ.

Безъ этой бездѣлицы, милая! не значили бы для тебя ничего мои софты. Но когда взглянешь ты на ефимокъ, що и вспомнишь объ нихъ.

Не промѣнивай его на ленты, душенька!

„Будьте увѣрены, сударь, что ефимокъ вашъ будетъ цѣль.“ — Она подала мнѣ руку, и продолжала: „Я спрячу его какъ можно дальше.“

Условіе между мужчиною и женщиною, основанное на добродѣтели, кажется освящаетъ самыя тайныя ихъ обращенія. Уже смеркалось, и намъ надобно было идти въ одну сторону, почему мы — безъ всякаго спыда пошли вмѣстѣ по набережной.

При выходѣ изъ лавки, *дѣвушка* опять мнѣ поклонилась; мы не успѣли отойти двадцати шаговъ, какъ она подумавъ, что оказанная ею благодарность не соразмѣрна моему одолженію, остановилась и — еще стала благодарить меня.

„Это ничто иное, сказалъ я, какъ одна небольшая дань добродѣтели... Впрочемъ я бы крайне огорчился, естлибъ доброе сердце не соотвѣтствовало моей надеждѣ. Но нѣтъ,

моя милая! невинность написана на лицѣ твоёмъ, и горе тому злодѣю, который захочетъ на нее покушиться!“

Дѣвушка, казалось, чувствительно была пронута моими словами. . . . Она тяжко вздохнула. Я не захотѣлъ спрашивать у ней о причинѣ вздоха. Мы молчали до того мѣста, гдѣ поворачиваютъ въ улицу Гвенегодъ, и у которой мы должны были расстаться.

Не эта ли дорога, моя милая, спросилъ я, къ Моденскому пракширу?

„Эта, сударь! но можно пройти и по Сѣнной улицѣ.“ —

Такъ я пойду по Сѣнной, для того что мнѣ будетъ веселѣе идти съ тобою.

„Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ Моденской пракширъ былъ въ приходѣ Петра и Павла!“ —

Не пошому ли, миленькая, что ты живешь тамъ? —

„Точно такъ, сударь: я *горничная двушка* Гжи. Р*“ —

Какъ! это вѣрно та самая, къ которой поручено мнѣ опнести письмо изъ Аміена? —

Она подтвердила мою догадку; сказавъ, что Гжа. Р* давно уже ждетъ къ себѣ какого - то иностранца. —

Такъ сдѣлай же одолженіе, моя милая, скажи своей барынѣ, что ты этого иностранца нашла; поклонись отъ меня, и доложи, что завтра по утру буду имѣть честь бытъ у ней.

Это сказано уже было на концѣ Гвенегодской улицы. Мы остановились; *двушка* захошла спрягать книги свои въ карманъ, и я — помогъ ей въ помѣ.

Какъ пріятно чувствовашъ взаимную нѣжность, соединяющую наши стремленія!

Мы пошли опять . . . и не опешедъ прехъ шаговъ, она взяла меня за руку. Мнѣ и самому хопѣлось этого, но она предупредила, и съ такимъ непринужденнымъ простодушіемъ, которое ясно показывало, что ей никакъ не приходило въ голову, что она меня еще въ первый разъ видишь.

Въ эту самую минуту я живо почувствовалъ, какъ называютъ, вліяніе кровной связи. Я смотрѣлъ на нее пристально, какъ бы думалъ найши въ ней какія нибудь семейственные сходства. . . . Не связаны ли мы всѣ, воображалъ я, неразрывными узами родства?

Выходя изъ Сѣиной улицы, я остановился, чшобъ проститься съ *дѣвчушкою*. Она еще поблагодарила за учтивость мою и за сотоварищество. Не легко было намъ разстаться. Мы прощались дважды.

Разставанье наше было такъ дружественно, что мнѣ кажется, въ другомъ бы случаѣ, заключилъ его самымъ пламеннымъ, священнымъ поцѣлуемъ.

Но въ Парижѣ мущина съ женщиною никогда не цѣлуются — явно.

Я лучше сдѣлалъ. Я молилъ Бога о ея благополучіи.

П а с л о р т ъ.

По возвращеніи моемъ въ практиръ, Лафлеръ сказалъ мнѣ, что приходилъ Полицейской Офицеръ, и спрашивалъ, кто я таковъ. — Проваль его возьми! я догадываюсь, за чѣмъ онъ ко мнѣ пожаловалъ. Пора уже объ этомъ сказать и моему Чешашелю. Я пропустилъ это тамъ, гдѣ пребывалъ порядкомъ — не объ шого, чтобы забылъ, но потому что считалъ лучше упомянуть здѣсь.

Я выѣхалъ изъ Лондона такъ поспѣшно, что и не вспомнилъ о

раздоръ Англии съ Франціею. Уже прїбхалъ я въ Дувръ, и видѣлъ помощью очковъ моихъ возвышающіяся горы за Булономъ; а мысль о войнѣ, шакже и о помѣ, что безъ *наспорта* не лзя путешествовать по Франціи, не приходила мнѣ и въ голову: Пройши одну улицу и ворошипсья домой, не узнавъ ничего новаго, было бы для меня чрезвычайно несносно; а не только, чтобъ опѣхавъ шакъ далеко, прїбхашъ безъ всякаго успѣха въ Лондонъ, и тогда особливо, какъ путешествие мое имѣло единственную цѣлю — прїобрѣтеніе различныхъ познаній. Мнѣ сказали, что Графъ Г. нанялъ пакет-бошъ. Онъ стоялъ въ одномъ со мною шракширѣ, и немного мнѣ былъ знакомъ. Я пошелъ къ нему просипсь, чтобъ онъ сдѣлалъ милоспшь, прїнялъ меня въ свою свипу. Онъ согласился безъ дальнихъ опговорокъ, съ тѣмъ однакожь, что повезешъ меня не далѣе Кале, потому что опшуда ему надобно ѣхашъ въ Брюксель. — По прїѣздѣ въ этотъ городъ, сказалъ онъ мнѣ: „Вы можете безъ всякой опа-

сности проѣхать въ Парижъ ; а тамъ найдете какихъ нибудь пріятелей , которые за васъ поручатся.“ — Тамъ-то , Ваше Сіятельство ! отвѣчалъ я , конечно избавлю себя отъ хлопотъ. — Я съ нимъ поѣхалъ , и забылъ думать о *паспортѣ*.

Но когда Лафлеръ сказалъ мнѣ о посѣщеніи Полицейскаго Офицера , то не мудрено мнѣ было отгадать , за чѣмъ онъ приходилъ. Въ это самое время и хозяинъ вошелъ въ мою комнату объявилъ о томъ же , прибавя : что Офицеръ пребывалъ непрерывно *паспортѣ*. Я надѣюсь , сказалъ хозяинъ , что *паспортѣ* вѣрно съ вами.

Со мною ? отвѣчалъ я : право у меня нѣтъ никакого.

„У васъ нѣтъ *паспорта* ?“ вскричалъ хозяинъ , оппрыгнувъ отъ меня шага на три , какъ отъ зараженнаго моровою язвою. Напротивъ того Лафлеръ подошелъ ко мнѣ поближе съ такимъ чувствованіемъ , съ

какимъ подходитъ благородная душа къ несчастному на помощь. Добрая Лафлеръ совершенно приобрѣлъ мою любовь. Одинъ этотъ поступокъ доказалъ его ко мнѣ расположеніе больше, нежели въ цѣлыя семь лѣтъ услуга его могла бы меня въ томъ увѣрить. — Я увидѣлъ, что мнѣ во всемъ можно положиться на его праводушіе и привязанность.

„Милордъ!“ . . . сказалъ хозяинъ; но опомнившись перемѣнилъ тонъ: . . . „Естьли у васъ нѣтъ *на-спорта*, продолжалъ онъ; но безъ сомнѣнія есть въ Парижѣ друзья, которые могутъ вамъ его изхощивать.“

У меня нѣтъ ни одного друга въ Парижѣ, отвѣчалъ я равнодушно. —

„Ну такъ васъ посадятъ въ Бастилію, или по крайней мѣрѣ въ Шанлетъ.“ —

О! я этого не боюсь: Король Французской Государь милосливой. —

„Ваша правда; но со всѣмъ тѣмъ это ни мало не остановитъ отослать васъ завтра же по утру въ Басшилю.“

Какъ завтра? прервалъ я: не на цѣлой ли мѣсяцъ нанялъ я у себя кварширу? и хотябъ самъ Король мнѣ приказалъ, — я не выйду изъ ней прежде срока.

„Что вы это говорите, сударь! —“ шепнулъ мнѣ на ухо Лафлеръ: „какъ можно не послушаться Короля?“

„Право надобно признаться, сказалъ хозяинъ, что Господа Англичане удивительные люди!“ и проворчавъ что-то еще, ушелъ.

С к в о р е ц ъ,

Я нарочно говорилъ съ хозяиномъ такъ смѣло; иначе я бы могъ огорчить Лафлера. Во время ужина я пришворился ошмѣнно веселымъ, и занимался совсѣмъ посторонними ма-

періями. Парижъ и Комическая Опера были для меня безконечнымъ разговоромъ. Я не зналъ, что Лафлеръ былъ въ театрѣ, и провожалъ меня до книжной лавки. Онъ не спускалъ съ меня глазъ и тогда, какъ я идучи съ молодою дѣвушкою по набережной разговаривалъ съ нею. Это - то и преляпстествовало ему идти далѣе со мною. Лафлеръ воротился домой по самой ближней дорогѣ, и пошому успѣлъ до моего прихода узнать о Полицейскихъ пребываніяхъ.

Лишь только онъ прибралъ со стола, какъ послалъ я его ужинать; а оставшись одинъ спалъ думать гораздо поосновательнѣе о моемъ положеніи.

Евгеній, другъ мой! ты будешь смѣяться при воспоминаніи того разговора, какой я имѣлъ съ тобою при моемъ отъѣздѣ. — Ты знаешь, что я сколько же запасся деньгами, сколько и разсужденіемъ. Помнишь, ты спросилъ: сколько ихъ у меня? — Я показалъ тебѣ кошелекъ мой. — „Ахъ, любезной

Йорикъ! какъ можно съ такою бездѣлицею пускашься въ такой дальній путь? . . . Бога ради возьми у меня въ запасъ нѣсколько гиней.“ — У меня своихъ много. — „Божусь тебѣ, что мало; я лучше тебя знаю по мѣсту, куда ты ѣдешь.“ — Можешь спастись мало для другаго, но для меня право довольно. Я и прехъ дней не проживу въ Парижѣ, чпобъ чего нибудь не напроказить, за что посадятъ меня въ Бастилію, гдѣ мѣсяць или два пробуду на всемъ казенномъ содержаніи. — „О! виноватъ! я и забылъ объ этомъ приближищѣ!“ — сказалъ онъ мнѣ весьма сухо.

Вошѣ, мой другъ! шупки мои чуть ли не збываются на самомъ дѣлѣ!

Отъ дурачества ли или неуваженія, отъ Философіи ли или упрямства, а можетъ и по какой другой причинѣ, которой я самъ не понимаю, я не думалъ о Бастиліи иначе, какъ думалъ о ней разговаривая съ тобою при своемъ отъѣздѣ.

Баспилія! . . . одно имя ея
страшно! Пускай говорятъ о ней что
хотятъ. . . но Баспилія ничто иное,
какъ башня; а башня есть домъ, изъ
котораго только не лзя выдти. Не
есть ли это еще милость Божія
для страдающихъ подагрою? Что
за бѣда и здоровому? . . . Съ девятью
франками на день, съ перомъ, чер-
нилами, бумагою — и перьями,
можно мѣсяць или полтора проси-
дѣть безвыходно дома. Чего боять-
ся, когда не сдѣлалъ никакого пре-
ступленія? Гораздо осторожнѣе и
умнѣе послѣ будешь. Желательно,
чтобъ всѣ неоспорочные попадались
туда почаще: это наказаніе послу-
жило бы имъ исправленіемъ и соб-
ственною ихъ выгодною.

Наполнивъ голову мою шаковы-
ми разсужденіями, и восхищаясь ими
вышелъ я на дворъ освѣжиться воз-
духомъ. Ненавистны мнѣ мрачныя
картины! сказалъ я самъ себѣ; не
хочу знать той меланхолической
науки, которая учитъ изображать
бѣдствія жизни черными красками! —
Воображеніе, предсавя предметы ра-

зуму гораздо обширнѣйшими, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ, наводитъ ему ужасъ. Опними все излишнее, и нѣчего будетъ бояться. Однакожь, продолжалъ я размышлять, Баспилія не такъ — по пріятна. . . Но опломай у ней башни, заровняй рвы, отвори двери, вообрази ее себѣ убѣжищемъ неволи, гдѣ держитъ тебя одно только расслабленіе тѣла, тогда — зло изчезнетъ въ глазахъ твоихъ, и ты будешь его сносить безъ всякаго ропшанія. . . Размышленіе мое съ самимъ собою спановилось часъ отъ часу важнѣе, но было прервано голосомъ, которой жаловался, что *не можетъ быть свободенъ*. Я смотрѣлъ на всѣ стороны, и ничего не примѣтилъ. Не обращая болѣе на это вниманія, вышелъ я на дворъ.

Но едва возвратился назадъ, какъ въ потъ же голосъ повторилъ тѣже самыя слова два раза. Я взглянулъ къверху, и увидѣлъ *скворца* въ маленькой клѣткѣ. . . *Я не могу быть свободенъ!* кричалъ онъ: *я не могу быть свободенъ!*

Остановясь, посмотрѣлъ я на эту плицу со вниманіемъ. Множество людей проходило въ дверь, и *скворецъ* порхая въ ихъ сторону, такимъ же понемъ жаловался: *я не могу быть свободенъ!* — О! я помогу тебѣ, вскричалъ я: помогу быть тебѣ на свободѣ, чегобъ мнѣ это ни стоило. Кляпка висѣла дверьцами къ стѣнѣ, которыя такъ крѣпко залупаны были проводкою, что не лезя было отворить иначе, какъ разломать ее. — Я засунулъ въ нее обѣ руки.

Скворецъ перепрыгивалъ изъ стороны въ сторону; продѣвалъ голову сквозь прутьи, билъ въ ихъ грудь. . . . Боюсь, бѣдный паѣнникъ, сказалъ я ему: боюсь очень, удастся ли мнѣ освободить тебя! . . . — Нѣтъ! закричалъ *скворецъ*: *я не могу быть свободенъ! я не могу быть свободенъ!*

Никогда сердце мое не было такъ разстроено. . . . Во всю жизнь не встрѣчалось со мною такого слу-

чая, которой бы произвелъ спольское и необычайное движение въ душѣ моей. Хотя слова: *не могу быть свободенъ*, говорилъ скворецъ махинально, но такъ много они сближались къ самой Природѣ, что въ одно мгновение все мое систематическое сужденіе о Бастили опрокинулось вверхъ дномъ. Съ сердечнымъ сободѣзнованіемъ и съ другими уже мыслями взошелъ я на лѣсницу.

Невольникъ.

Я былъ уже въ моей комнатѣ, но скворецъ не выходилъ у меня изъ головы. — Облокотясь на столъ, предался я различнымъ сужденіямъ; и расположенъ будучи размышлять — далъ свободу моему воображенію. . .

Оно представило мнѣ *невольника*, заключеннаго въ темницѣ.

Я смотрѣлъ на него сквозь решетчатую дверь, смотрѣлъ — и пользуясь мракомъ свѣша, который едва

едва освѣщаль его преисподнюю, старался я списать поршешь съ узника.

Долговременное ожиданіе свободы испощило всѣ его силы. Я почувствовалъ въ моемъ сердцѣ весьма сильную боль, которая рождается отъ сомнительной надежды. . . . Всмотриваясь въ *невольника*, мнѣ казалось, что лице его было обезображено, блѣдно, изнурено болѣзнію. . . Уже прицать лѣшъ, какъ его кровь не освѣжалась восточнымъ вѣтромъ; уже прицать лѣшъ не видалъ онъ ни солнца, ни луны; уже прицать лѣшъ не слыхалъ онъ сквозь решетку нѣжнаго голоса друзей своихъ, родственныхниковъ. . . . А дѣши его!!!

Тутъ сердце мое замерло. . . я отворопился отъ несчастнаго. . . . но воображеніе не переставало меня мучить. . . Оно показывало *невольника*, сидящаго на связкѣ соломы въ самомъ заднемъ углу темницы. Солома служила ему и постелею и стуломъ. . . . Несчастный держалъ въ одной рукѣ календарь своего изоб.

рѣшенія; сдѣланной изъ палочекъ, на которыхъ, разными знаками, замѣчалъ онъ горестные дни, проведенные имъ въ ужасномъ заключеніи. . . . Въ другой рукѣ — былъ у него ржавой гвоздь, которымъ, въ календарѣ своемъ, прибавлялъ и этотъ день къ числу прошедшихъ. . . Я заслонялъ у него послѣдній остатокъ свѣта. . . . Онъ взглянулъ томно на дверь. . . покачалъ головою и — опять принялся за пагубную свою работу; хотѣлъ положить палочку на кучу другихъ, нагнулся — и цѣпи загремѣли въ ушахъ моихъ. . . . Глубокой вздохъ вырвался изъ груди его. . . . Боже мой! вскричалъ я, заливаясь слезами. . . Я не могу даже и вообразить этой страшной картины. . . Вскочилъ безъ памяти. . . . кликнулъ Лафлера, и приказалъ ему недремѣнно завтра въ девять часовъ утра нанять карету. Я поѣду прямо, думалъ я, къ Герцогу де Шоазелю.

Лафлеръ конечно бы со всѣмъ усердіемъ меня раздѣлъ и положилъ въ постель. . . но я зная его чув-

спвншельность, не хотѣлъ дать ему замѣшить моего безпокойства, и сказалъ, что я самъ раздѣвусь и лягу.

А н е к д о т ы .

Въ назначенный часъ я сѣлъ въ карету. Лафлеръ спалъ назади, а я закричалъ кучеру, чтобъ какъ можно скорѣе скакалъ въ Версалю.

На дорогѣ ничего со мною не встрѣшилось такого, чего ищу я обыкновенно въ путешествіяхъ. Однакожь, я могъ бы сдѣлать такое же описаніе, какъ и другіе, о Шальотѣ, о Пасси, о Бономахъ, о Севахъ, о Вирофлабъ, и о многихъ мѣстахъ, которыя встрѣчались мнѣ на моемъ пути. . . . Но мнѣ лучше хотѣлось наполнить пустое мѣсто сокращенною повѣстью о *скворцѣ*. Таковыхъ историческихъ сокращеній будетъ много . . . я ихъ очень люблю.

Милордъ Л* ожидалъ попущнаго вѣтра, чтобъ переѣхать изъ Дувра въ Кале . . . Слуга его, бродя по го-

рамъ поймалъ *скворца*, которой только что оперился. Онъ взялъ его къ себѣ, кормилъ, воспитывалъ его, и привезъ въ Парижъ.

По приѣздѣ своемъ шуда, купилъ онъ клѣшкку, которая стоила ему 24 копѣйки. Господинъ его прожилъ въ Парижъ пять мѣсяцовъ; а какъ за нимъ не очень много было дѣла, то онъ въ это время научилъ *скворца* выговаривать четыре слова, за которыя я столько обязанъ.

Когда Милордъ побѣжалъ въ Италию, то слуга отдалъ *скворца* и съ клѣшкою хозяину. Не всякой могъ понимать, что говорилъ *скворецъ*, потому что говорилъ на иностранномъ языкѣ, а при томъ никто не хотѣлъ его и слушать. Лафлеръ посулилъ за него хозяину буллку вина, и хозяинъ съ охотою успунилъ ему *скворца* и съ клѣшкою.

Я привезъ *скворца* съ собою на его родину. . . . Однажды Лордъ А. услышавъ отъ меня о его исторіи, захотѣлъ имѣть у себя, и я пода-

рилъ ему *скворца*. Спустия нѣсколь-
ко недѣль, онъ отдалъ его Лорду Б.;
Лордъ Б. подарилъ его Лорду В.;
слуга Лорда В. продалъ его за ши-
лингъ Лорду Г.; а отъ Лорда Г. достался
онъ Лорду Е.; и такъ мой *скворецъ*
ходилъ по Лордамъ до половины аз-
буки. Изъ черпоговъ Вельможъ пере-
лепалъ онъ въ обихалище просто-
людимовъ, гдѣ также не имѣлъ онъ
хорошаго приспанища, потому что
они всегда желали *войти*, а бѣдный
скворецъ старался *выйти*; отъ
этого несогласія *скворцу* также худо
было и въ Лондонѣ, какъ и въ Па-
рижѣ.

Можетъ быть кто нибудь изъ
Читателей и слыжалъ о моемъ *сквор-
цѣ*. . . . Еслили какимъ нибудь неча-
яннымъ образомъ онъ его увидитъ,
то я прошу вспомнить, что эта
птичка принадлежала мнѣ. . . . Теперь
ее у меня нѣтъ — но она вырѣзана
на гербѣ моемъ. Пусть господа ге-
рольды свернутъ *скворцу* моему голо-
ву, еслили осмѣляшся. —

П р о ш е н і е.

Когда я нищу чьегонибудь покровительства, по мнѣ всегда больно шупѣ же видѣшь и своего непріятеля, которой примѣчаетѣ состояніе души моей. Сіе — то самое и заставляешѣ меня искать всегда покровителя — въ самомѣ себѣ. Необходимость однакожь принудила меня предсташѣ къ Герцогу Шотландію. Если бы только можно было безѣ этого обойтись, то конечно бы сдѣлалѣ я такѣ, какѣ сдѣлалѣ бы — и всякой другой на моемѣ мѣстѣ.

Какѣ много способовѣ *просить!* сколько надобно дѣлать подлости, поклоновѣ, униженій! Во всю дорогу я объ этомѣ думалѣ; и за всякую выдумку заслуживалѣ бышѣ посаженѣ въ Бастилю.

Подбѣзжая къ Версалю, я придумывалѣ, какѣ начашѣ мнѣ *просить*. . . . Спану кланяшѣся; приму покорный видѣ; понижу голосѣ, и буду всячески подлаживашѣ Герцогу,

чтобъ преклонить его на свою сторону. — Хорошо! хорошо! рассуждая я: насилу выдумалъ; это будетъ славно. . . . Но размысливъ, и мое *славно* не такъ - то вышло славно! Это будетъ все по же, какъ бы сшилъ Герцогу безъ мѣрки кафтанъ. — Глупенькой! продолжалъ я опомнясь: за чѣмъ тебѣ заранее ломать голову? Не у себя ты долженъ учиться, чѣмъ начать. . . . Ты прежде взгляни на Герцога; всмотришь въ него. . . прочти на лицѣ его расположение, и первое его слово, которое онъ скажетъ, научилъ тебя всему. По этому ты и располагай разговоромъ, которой конечно ему будетъ не прошивенъ, шѣмъ болѣе. что онъ самъ тебя научилъ, какимъ тономъ съ нимъ говорить надобно.

А хотя бы и не такъ - то случилось. . . развѣ Герцогъ не такой же человекъ? Естьли мы на полѣ сраженія идемъ смѣло другъ проливъ друга, по можноть робѣшь въ кабинетѣ Министра, будучи съ нимъ наединѣ? — Повѣрь мнѣ, Йорикъ, когда человекъ не имѣетъ благород-

ной смѣлости: по онѣ погибаетъ самѣ ошѣ себя, бываетъ униженѣ, и заграждаетъ себѣ собственной своей пушѣ къ благополучію. . . . Покажись только къ Герцогу съ видомѣ, что боишься. Баскиліи — будь увѣренѣ, что въ томѣ же часѣ отправятъ тебѣ въ Парижѣ съ надежными проводниками.

Чуть ли это не правда! сказалѣ я самѣ себѣ: ну такѣ я появлюсь къ Герцогу съ смѣлостію и со всевозможнымѣ равнодушіемѣ.

Ты опять говоришь вздорѣ, Йорикѣ! благоразуміе не терпитѣ никакой чрезвычайности. . . . Оно всегда должно обладать своими спраснями. Прекрасно! вскричалѣ я: ужѣ теперь - то не собьюсь съ прямой шропы.

Карета моя взвѣхала на дворѣ, и когда остановилась у крыльца, то ясно видѣль я, что дорожной мой урокѣ съ великимѣ усѣхомѣ дѣйствовалѣ на мою душу. Я былѣ такѣ покоенѣ, какѣ не лзя больше, и вехо-

дилъ по лѣстницѣ ни съ тѣмъ робкимъ духомъ, которымъ бывають объяты жертвы правосудія; ни съ тѣмъ радостнымъ и сердечнымъ восхищеніемъ, которой оживотворялъ меня всегда, когда я лепѣлъ видѣшь себя, моя милая Лизетта!

Лишь только я вошелъ въ залъ, какъ вѣ шужь миную подошелъ ко мнѣ какой-то человекъ съ важностію. . . Я не знаю право, дворецкой ли это былъ, или лакей; а можетъ быть и какой нибудь подсекретарь Его Свѣтлости. Онъ сказалъ мнѣ, что Герцогъ занимаешь дѣлами. —

„Какимъ же образомъ, сударь, можно мнѣ видѣть Его Свѣтлость? Я иностранецъ; а что всего хуже по нынѣшнимъ обстоятельствомъ: я Англичанинъ.“

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это не сдѣлаеніе излишняго въ просьбѣ моей затрудненія. —

Я отвѣсилъ ему небольшой поклонъ. „Милостивый государь! я

«важномъ дѣлѣ намѣренъ говорить съ Герцогомъ.» — Онъ посматривалъ на всѣ стороны, какъ бы спараясь найти, кто бы могъ доложить обо мнѣ Министру. —

„Я не намѣренъ скрывать отъ васъ, говорилъ я ему: нужда, о которой мнѣ надобно съ Герцогомъ объявиться, совсемъ не принадлежитъ до Его Свѣтлости, а касается до одного только меня.“ —

О! такъ это другое дѣло. —

„Нѣтъ, сударь! не другое; я увѣренъ, что Герцогъ выслушаетъ меня благосклонно. . .“ Между тѣмъ я просилъ его сказать мнѣ, когда могу видѣть Его Свѣтлость? —

Черезъ два часа, отвѣчалъ онъ. — Множество каретъ, споявшихъ на дворѣ, подтверждали эту истину. — Чужь мнѣ дѣлать въ эти два часа? Расхаживать изъ угла въ уголъ по залѣ, не показалось мнѣ приличнымъ препровожденіемъ время.

ни. . . Я сошелъ внизъ, и велѣлъ ѣхать въ *Кандрианъ-Блю*, ближайшій пракширъ.

Но Судьба всегда дѣлаетъ по своему — и рѣдко случается, чтобъ я попалъ въ то мѣсто, куда задумалъ.

Сахарные пирожки.

Я не пробѣжалъ еще половины дороги, какъ совсѣмъ новое вошло мнѣ въ голову. Желая посмотришь городъ, приказалъ я вучеру везти меня по всѣмъ улицамъ. — Городъ не великъ, сказалъ я ему: мнѣ кажется, что его очень скоро можно объѣхать. —

„Не великъ, сударь? Извините! онъ гораздо больше, нежели вы воображаете, и отменно хорошо выстроенъ. Большая часть вельможъ имѣющихъ здѣсь свои дома.“ — При семъ словъ вспомнилъ я о Графѣ Б*, о кошоромъ книгопродавецъ наговорилъ мнѣ много добра. . . Для чего

же не побѣхать мнѣ къ такому человеку, которой имѣетъ столь великое уваженіе къ Англинскимъ книгамъ и къ самимъ Англичанамъ? Расскажу ему о себѣ, и можетъ быть... Я въ другой разъ переимѣнилъ свое намѣреніе; а естли счешь порядочно, то уже въ претій. Мнѣ захотѣлось побывасть у Госпожи Р* на Петропавловской улицѣ, и болѣе за шѣмъ, что я уже и увѣдомилъ ее о томъ черезъ горничную дѣвушку. Не я располагаю обстоятельствомъ, а онѣ мною. Увидѣвъ на другой сторонѣ человека, которой несъ корзину, и какъ будто продавалъ что-то, послалъ я Лафлера, спросишь у него, гдѣ живетъ Графъ Б*.

Лафлеръ прибѣжалъ ко мнѣ отъ него съ превеликимъ удивленіемъ. — „Знаете ли, сударь, кто продаетъ эти *сахарныя пирожки*? Кавалеръ Св. Людовика!“ —

Какой вздоръ бредишь ты, Лафлеръ! —

„Я не знаю, сударь, вздоръ ли эшо или нѣтъ, но увѣренъ только,

что я своими глазами видѣлъ у него въ петлицѣ на ленточкѣ крестъ также хорошо, какъ и *сахарныя пирожки*, которыхъ еще довольно много у него въ корзинѣ.“

Такая превратность человѣческой жизни возбуждаетъ въ чувствительной душѣ не одно только простое любопытство, но влечетъ какое-то къ себѣ особенное чувство. . . Я смотрѣлъ на кавалера, продавца *сахарныхъ пирожковъ*, нѣсколько минутъ изъ кареты; и чѣмъ болѣе въ него всматривался, тѣмъ непонятнѣе представлялся онъ мнѣ съ своимъ крестомъ и корзиною. Разумъ мой былъ въ недоумѣніи и сердце билось очень сильно. . . Я вышелъ изъ кареты — и подошелъ къ нему.

На кавалерѣ былъ бѣлый длинный фартукъ. Крестъ Св. Людовика висѣлъ по камзолу. Корзина съ *сахарными пирожками* покрыта была до половины салфеткою. Въ низу подосплана другая, и все такъ чисто,

такъ опрятно, что не возможно было, чтобъ чего нибудь у него не купишь.

Онъ не подходилъ ни къ кому съ своей корзиною; а остановясь на углу трактира, дожидался, когда кто къ нему подойдетъ.

Кавалеру было около пятидесяти лѣтъ; онъ имѣлъ видъ скромной, но величавой. Я не удивлялся этому; и приподнявъ салфетку, взявъ одинъ *пирожокъ*, прося его убѣдительно исполковать мнѣ эту загадку.

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ все. — „Молодыя свои лѣта провелъ я въ службѣ, говорилъ онъ: возвращясь изъ похода получилъ этотъ крестъ; а по окончаніи прошедшей войны, будучи опшавленъ отъ службы, не могъ уже добиться мѣста въ нынѣшнюю кампанію; и такъ остался я безъ друзей, безъ денегъ — съ однимъ крестомъ.“ —

Онъ привелъ меня въ жалость ; но послѣдними словами — приобрѣлъ мое почтеніе.

„Король нашъ Государь столько же доброй, какъ и правосудной, продолжалъ онъ: но въ силахъ ли наградить весь свѣтъ, и облегчить участь всѣхъ несчастныхъ? Я былъ въ числѣ ихъ . . . У меня есть жена; я ее люблю столько же, какъ и любимъ ею. Она умѣетъ дѣлать конфеты; мы захотѣли употребить въ пользу небольшое это искусство; и мнѣ кажется, что лучше продавать *сахарные пирожки*, нежели поджавъ руки сидѣть голодными.“

Порадуйтесь Судьбѣ бѣднаго кавалера! Мѣсяцовъ девять тому назадъ, добродѣтель его увѣчилась наградой. — Кавалеръ обыкновенно споялъ у Дворцовой рѣшешки, и былъ замѣченъ многими проѣзжающими, которые имѣли такое же любопытство, какъ и я, и которымъ рассказывалъ онъ свою исторію съ тою же скромностію, съ какою объяснялъ и мнѣ. Наконецъ это дошло

до Короля. Онъ вспомнилъ о немъ, и зная, что кавалеръ былъ весьма хорошій Офицеръ и любимъ всемъ полкомъ, пожаловалъ ему 1500 ливровъ ежегодной пенсіи.

Пріятное благодареніе! не ужели есть такіе люди, которые не чувствуютъ цѣны твоей? Я никогда не могъ рассказывать о исторіи кавалера безъ сердечныхъ движеній. —

Блаженъ народъ, гдѣ Государь добродѣтеленъ!

Ш л а г а.

Я рассказалъ бы здѣсь причину несчастій, отъ которыхъ раззорилась фамилія д'Е. въ Британіи, — и самыя могущественныя Государства приходятъ въ упадокъ — и на пуши своемъ испытываютъ бѣдствія и бѣдность; но я не знаю этихъ причинъ, а знаю только, что Маркизь д'Е. весьма долго боролся съ несчастіемъ. При всей своей крайности,

Онъ не переставалъ блистать остатками своихъ предковъ. Наконецъ дошелъ онъ до такого бѣдственнаго состоянія, что едвали доставало ему на умбренную пищу. Къ помужь и два сына — которымъ должно было дать воспитаніе отличное, по роду и по богатству — расправляли душу отца, и шѣмъ болѣе, что дѣши его общали великую надежду. Военная служба казалась ему вѣрнѣйшимъ способомъ къ поправленію состоянія его; но и это предпріятіе опложилъ онъ попому, что не лязд было служить безъ особенныхъ издержекъ сверхъ жалованья. У него оставалось весьма небольшое имѣніе, съ которымъ надобно было вести жизнь самую бѣдную. Еще одно средство — торговлю слѣдовало ему испытать.

Но промыслъ этотъ не казался ли гробомъ для его дѣшей, которыхъ честолюбивый и гордый Маркизъ хотѣлъ видѣть возвышенными? По счастью Британія сохранила право свергать иго съ такого предразсудка — и Маркизъ имъ воспользо-

вался. Въ то время, когда первѣй-
шие Чиновники собрались въ Реннѣ, —
Маркизѣ, сопровождаемый двумя сы-
новьями, вошелъ въ залу собранія и
спарался съ важностію защищать
древнія постановленія Герцогства,
копорымъ хотя и рѣдко пользова-
лись, но со всѣмъ шѣмъ не могло
оно потерять своей силы. — Сказавъ
это, Маркизѣ снялъ свою *шпагу*.
„Возмите ее, продолжалъ онъ; и
будете ея хранителями до того вре-
мени, пока лучшая судьба доста-
витъ мнѣ возможность взять ее об-
ратно, и быть ея достойнымъ.“
Президентѣ принялъ *шпагу*, прика-
завъ положить ее туда же, гдѣ
жалась родословная Маркиза, ко-
торой, видя все дѣло оконченнымъ —
вышелъ вонъ.

На другой день отправился онъ
со всѣмъ своимъ семействомъ въ
Маршаньяку. Двадцатилѣтнее не-
успешное прилѣжаніе къ торговлѣ,
и нѣкоторыя непредвидимыя наслѣд-
ства отъ дальнихъ родственниковъ,
доставили ему способъ восстановить

свое Дворянство — и взять свою *шпагу*.

Въ этотъ - то торжественный день я имѣлъ счастье быть въ Реннѣ. Я назвалъ его торжественнымъ; и какъ иначе назовешь его всякой чувствительный путешественникъ? Жалки для меня тѣ, которыми шаковые случаи кажутся незначущими!

Маркизь, поддерживая почтенную свою супругу, вошелъ въ собраніе. Старшій его сынъ велъ свою сестру; младшій шелъ подлѣ матери. Доброй отецъ нѣсколько разъ опиралъ плакомъ слезы. Повсюду царствовало глубокое молчаніе. . . Маркизь оспазилъ жену съ младшимъ сыномъ и дочерью: а самъ подошедъ къ Президенту — требовалъ отъ него своей *шпаги*. Лишь только онъ получилъ, какъ съ презеликимъ восхищеніемъ обнажилъ ее. Онъ смотрѣлъ на *шпагу*, какъ на вѣрнѣйшаго друга, съ которымъ былъ въ разлукѣ нѣсколько лѣтъ. Старикъ разсматривалъ ее со вни-

маніемъ , какъ будто для того , чнаобъ лучше удостовѣришься , дѣйствительно ли эта *шпага* была его. . . Примѣтя небольшую на концѣ клинка ржавчину , онъ поднесъ ее ближе къ глазамъ , и я увидѣлъ , что слеза капнула на ржавчину.

„Я найду , сказалъ онъ , какое нибудь средство ее счислить.“ — Онъ вложилъ ее въ ножны , и поблагодаря за сохраненіе , вышелъ изъ залы съ женою и дѣтьми.

Я позазидовалъ его чувствованіямъ.

Способъ называться.

Безъ всякаго препятствія я вошелъ къ Графу Б. — Онъ перебиралъ Шекспировы сочиненія . Я взглянулъ на нихъ и далъ ему замѣтить , что они мнѣ знакомы. —

„Я пришелъ къ вамъ (сказалъ я ему) безъ всякаго пушето-

дишеля, зная навѣрное, что найду въ кабинетѣ вашемъ моего друга, которой будетъ за меня у васъ предшашелемъ. Вотъ онъ; это славной Шекспиръ, землякъ мой. . . Великой Авторъ! (вскричалъ я) не оскорбись такимъ названіемъ.“

Графъ усмѣхнулся такому необычному входу. . . . Онъ по блѣдному моему лицу принялъ меня за больного и просилъ сѣсть; я сѣлъ, и чпсбъ избавишь его отъ излишнихъ затрудненій отгадывать причину моего посѣщенія, которое конечно не согласовалось съ обыкновенными правилами, откровенно пересказалъ ему все то, что случилось со мной у книгопродавца, и что это самое поселило во мнѣ смѣлость скорѣе придти къ нему, нежели къ кому другому, и объявить о непріятномъ своемъ положеніи. —

„О непріятномъ, сударь? Пожалуйте скажите мнѣ, сказалъ Графъ съ безпокойнымъ видомъ: чпсбъ съ вами такое случилось?“ —

Я открылся ему во всемъ. . .
Хозяинъ мой, прибавилъ я, увѣряешъ,
что меня посадишь въ Бастилію. —

„И вы этого боитесь?“ —

Ни мало, Графъ! Я нахожусь
между людьми просвѣщеннѣйшими;
да и совѣсть ни въ чемъ меня не
упрекаетъ. . . а припомъ, я не
съ шѣмъ сюда прїѣхалъ, чтобы быть
плѣномъ, и не съ шѣмъ, чтобы обо-
зрѣвать украшенія или наготу Го-
сударства; сдѣдшвенно Французы,
учтивые и великодушные, не захо-
тятъ мнѣ сдѣлать никакого зла.

Графъ покраснѣлъ и разсмѣял-
ся. . . Не опасайтесь ничего! ска-
залъ онъ. —

„Боже меня сохрани! я отъ
самаго Лондона смѣлся до Парижа,
и не думаю, чтобы Герцогъ Шазель
такъ не любилъ смѣху, чтобы могъ
выслать меня отсюда со слеза-
зами.“

Всепокорнѣйше прошу, Ваше
Сїятельство! продолжалъ я, покло-

нясь Графу низко, сдѣлать милость попросить Герцога уволить меня отъ такого принужденія.

Графъ слушалъ меня съ ошмѣною благосклонностію; иначе я не могъ бы такъ смѣло и говорить. — Хорошо, очень хорошо сказано! повторилъ онъ раза два. И на этомъ — окончилась моя пресѣба.

Онъ перемѣнилъ разговоръ; мы разсуждали о многихъ неважныхъ матеріяхъ, о книгахъ, новостяхъ, полиптикѣ, о людяхъ вообще, потомъ — и о женщинахъ.

Да благословитъ ихъ Богъ! сказалъ я: никто больше меня ихъ не любитъ. Послѣ всѣхъ слабостей, которыя въ нихъ находилъ, и послѣ всѣхъ сапиръ, которыя читалъ на ихъ щепѣ — онъ все еще милы мнѣ. Я очень увѣренъ, что человекъ, неимѣющій нѣкоторой привязанности къ ихъ полу, не можетъ любить спрасно и одной женщины.

„Ну, Господинъ Англичанинъ, посмотримъ! сказалъ мнѣ Графъ съ улыбкою. Вы не съ тѣмъ прѣѣхали сюда, говорите вы, чтобъ разсматривать *наготу* нашего Государства, а и того меньше, надѣюсь — нашихъ женщинъ; но если бы какъ нибудь попалась вамъ хорошенькая на встрѣчу въ такомъ видѣ, то признайшесь: испугались ли бы вы?“

Во мнѣ есть какое-то отвращеніе къ неблагоприспосойнымъ шуткамъ. Я часто старался превозмочь его, и всегда съ превеликимъ затрудненіемъ принуждалъ себя говорить многимъ женщинамъ то, чего я ни за какія деньги не сказалъ бы наединѣ.

„Простите меня, Графъ! если ли въ такомъ цвѣтущемъ Государствѣ ничего болѣе не увижу, какъ одну нагую землю, тогда я вздохну — и оставлю ее съ сожалѣніемъ. Чтожь касается до наготы женщинъ (продолжалъ я покраснѣвъ

отъ стыда), по естѣлибѣ случилось мнѣ съ такою вѣспрѣпшишься, я прикрывъ бы ее моимъ плащемъ, когда бы только зналъ, какъ это сдѣлать. . . Но признаюсь: я очень бы желалъ видѣть нагошу ихъ сердець, и хотѣлъ бы — не смотря на различные обычаи, климатъ, Религію и нравы, — хотѣлъ бы найти въ нихъ одно хорошее, и по такимъ оригиналамъ образоватъ и мое сердце. Для того-то, Ваше Сіашельство, и прѣвхалъ я въ Парижъ; для того-то и не ходилъ я смотрѣть ни славнаго Дворца, ни Люксембурга, ни Луврскаго строенія. . . Я не покупалъ кашалого картинъ, статуямъ и церквамъ. Для меня во всякомъ челоѣѣ есть храмъ; и я люблю лучше разсматривать прекрасныя черты въ немъ, нежели въ славной Рафаелевой картинѣ. — Спремленіе познать людей заманило меня во Францію, и безъ сомнѣнія заведетъ еще гораздо далѣе. . . Какъ пріятно путешествовать; когда сердце наше занимается Природою и свѣтлыми чувствованіями, кошо-

рыя навчаюшъ насъ любить другъ друга болѣе обыкновеннаго!“

Графъ наговорилъ мнѣ за это шму учливостей. — „Но знаете ли вы, сказалъ онъ, какъ я сердитъ на Шекспира за то, что онъ, познавая меня съ вами, не сказалъ кто вы таковы! Мысли его столько развлечены, что забывъ объявить о вашемъ имени, принудилъ васъ самихъ къ этому открытію.“

Для меня нѣтъ ничего досаднѣе, какъ рассказывать, кто я таковъ. . . Я легче скажу о другомъ, нежели о самомъ себѣ; и еслии когда бываю къ тому вынужденъ, то стараюсь говорить какъ можно покороче. Не думаю, чтобы ктонибудь скорѣе меня прекращалъ такую матерію. . . мнѣ весьма удобно было отвѣчать Графу лаконически. Шекспиръ лежалъ передо мною. Я вспомнилъ, что мое имя есть въ трагедіи Гамлетъ, и прискавъ славное и смѣшное званіе гробоконшелей, въ пяш мѣ дѣйствіи, показалъ Графу пальцомъ на имя Йорика. —

Это Йорикъ! —

Точно такъ, Ваше Сіяшество!
и эптошъ Йорикъ я.

Нѣтъ большой надобности знать, самъ ли я, или чтонибудь другое, зашмили у Графа разумъ; а можетъ быть и по какомунибудь волшебству ошибся онъ семью или осмью вѣками . . . Французы лучше извѣщаютъ, нежели воображаютъ. . . Я ничему не удивляюсь на этомъ свѣтѣ, а всего менѣе такимъ ошибкамъ. . . Мнѣ вздумалось сославить нѣсколько книгъ изъ своихъ проповѣдей. Одинъ изъ нашихъ Епископовъ — котораго впрочемъ я опмѣнно почишаю за его чистосердечіе и набожность — сказалъ мнѣ однажды, что у него недостаетъ перпѣнія просмапривашъ проповѣди, сочиненныя шумомъ Датскаго Короля. — Но, милосшивый Государь! отвѣчалъ я ему: есть два Йорика. Йорикъ, о которомъ вы изволише говорить, уже лѣтъ сѣ восемь сошъ умеръ. . . Онъ славился при Дворѣ *Гарвендила* . . , а другой Йорикъ не былъ нигдѣ въ уваженіи; и эптошъ — то самой я. — Епископъ покачалъ головою. —

Помилуйте, Милордъ! прибавилъ я: вы хошите меня заставить думать, что могли бы принять Александра мѣдника — о которомъ упоминаетъ Св. Павелъ — за Александра Великаго? —

„Я право не знаю, отвѣчалъ онъ: но развѣ это не все поже? . .“

Естьлибъ Царь Македонскій, отвѣчалъ я, далъ вамъ, Милордъ, лучшее Епископство, то конечно вы умѣли бы его опличить ошъ ремесленника, которой только можетъ дѣлать для вашей кухни посуду.

Графъ Б* точно въ такомъ же былъ заблужденіи.

„И вы, Йорикъ?“ вскричалъ онъ. —

Такъ, Ваше Сіяшество! —

„Вы, сударь? вы, Йорикъ?“ —

Точно я, Графъ! —

„Боже мой!“ говорилъ онъ обнимая меня: „это Йорикъ!“

Онъ съ шоропливостію положилъ одну часть Шекспира въ карманъ, и оставилъ меня одного въ своемъ кабинетѣ.

Время провозженіе.

Я не могу понять, за чѣмъ Графъ ушелъ съ такою поспѣшностію, и для чего онъ положилъ въ карманъ книгу. . . . Всякая тайна открывающа сама собою, слѣдовательно и не стоитъ того, чтобы ломать за нею голову и терять время. . . . Лучше читать Шекспира. . . . Я взялъ одну часть, развернулъ, и мнѣ попалось небольшое сочиненіе: *Much ado about Nothing*.

Оно скоро увлекло мое воображеніе изъ Графской комнаты въ Мессину. Я столько занялся Донъ Педромъ, Бенедиктомъ и Бенектрисою, что совсѣмъ забылъ о Версали, о Графѣ, и даже — о паспортѣ.

Пріятныя мечты воображенія! съ какимъ удовольствіемъ въбрѣешься

умъ нашѣ призракамъ, которые улаждають горестныя минушы ожиданія и скуки! . . . Давно, давно бы кажется прекратилось мое существованіе — естлибъ не бродилъ и я, также по очарованнымъ лугамъ вашимъ. . . . Какъ скоро забреду на какую нибудь каменистую дорогу, или взойду на крушую гору, то мнѣ становится очень тяжело; и я, поворотя въ другую сторону, ищу тропинки мягкой и гладкой, которую воображеніе усыпало повсюду розами. Я по ней прогуливаюсь, и возвращаюсь опшуда гораздо бодрѣ. . . . Когда бываеиъ мнѣ очень грустно, и эпомъ свѣтъ не общаетъ никакой надежды къ спокойствію — я оставляю его, и бѣгу въ сторону. . . . Имѣя лучшее понятіе о Елисейскихъ поляхъ, нежели о небѣ — я, также какъ и Эней, продираюсь шуда насильно. . . . Тамъ вижу его, вижу идущую къ нему на встрѣчу печальную шбнь оставленной имъ Дидоны. Эней спарается ее узнать, а Дидона, усмотря его, опворачивается въ молчаніи опъ виновника ея бѣдствія и посрамленія. Чувствованія мои шеряются въ чув-

спованіяхъ несчастной Дидоны, и сливающихся съ ея состраданіями, которыя и въ юности моей извлекали у меня слезы.

Время проходитъ не напрасно, когда проводимъ его въ подобныя упражненіяхъ. . . . Сострадая о несчастіяхъ ближняго, мы уменьшаемъ тѣмъ собственныя наши горести, и разумъ нашъ тогда имѣетъ средство подать намъ нужное утѣшеніе. . . . Я самъ по себѣ знаю, что никогда не могу прогнать печали безъ того, чтобъ не сравнить ее съ злополучіями другаго.

Я уже дочитывалъ претъе дѣйствіе, какъ Графъ Б* вошелъ въ комнату, держа въ рукѣ бумагу. — „Вотъ онъ! говорилъ мнѣ Графъ: вотъ вашъ паспортъ. Герцогъ Шоазель поспѣхъ приказалъ его написать. Человѣкъ, которой смѣется, сказалъ онъ, не можетъ быть опасенъ. Я не могъ бы выхлопотать паспорта и въ два часа, ежели бы это было не для Королевскаго шута!“ —

Извините меня, Ваше Сіятельство! я не Королевской шутѣ. —

„Да вишь вы Йорикѣ?“ —

Йорикѣ. —

„Вишь вы смѣетесь и шутите?“ —

Все правда, Ваше Сіятельство! я шучу и смѣюсь, но безъ всякой за то плашы, а забавляюсь только на свой щепѣ. . . . При нашемъ Дворѣ, Графѣ! очень давно перевелись шуты. Послѣдній изъ нихъ былъ въ царствованіе Карла II. Мы съ того времени довольно просвѣпились; наши вельможи сдѣлались такъ безкорыстны, такъ ревнительны къ славѣ и благодѣянію своего отечества; наши женщины такъ скромны и чистопорожны, такъ цѣломудренны и набожны. . . . Повѣрьте, Ваше Сіятельство! что никакой шутѣ не достанетъ у насъ хлѣба съ своими шулками. . . . —

„О! это изрядная насмѣшка!“
вскричалъ Графѣ. —

Отступленіе.

Паспортъ надписанъ былъ ко всѣмъ Губернашорамъ, Комендантамъ и другимъ Начальникамъ. Господинъ Йорикъ, Королевской *шутъ*, могъ спокойно путешествовать вездѣ съ своимъ экипажемъ, которой повелѣно пропускать безъ малѣйшаго задержанія. Признаюсь надобно, что исходатайствование паспорта на такомъ основаніи, не много дѣлало мнѣ чести. Но какое счастье въ этомъ свѣтѣ бываетъ безъ помѣхи? Я знаю очень хорошихъ Богослововъ, которые доказываютъ, что даже и *наслажденіе* сопровождается вздохами, а что самое наивеличайшее *удовольствіе* — какого они больше уже и не знаютъ — канчивается обыкновенно нѣкоторымъ прясеніемъ — членомъ.

Мнѣ пришло на мысль одно изреченіе ученаго Беворискаго, помѣщенное въ его толкованіяхъ на родословіи Адама. Онъ уже оканчивалъ свои примѣчанія, какъ два воробья, прилещивъ къ нему на окно, прервали

нишь его размышлений и принудили
отступить отъ связи повѣствованья.

„Какая странность! вскричалъ
Беворискій: но странность справедливая.
Воробыи беспокоили меня своими
ласками. . . . Я полюбобыпсшво-
валъ замѣчать перомъ моимъ число
этихъ ласкъ, — и прежде нежели
у пѣлъ бы я кончилъ одно мое замѣ-
чаніе — воробей повторилъ бы ихъ
двадцать три раза съ половиною. . . .“

„Какъ щедръ небеса кошварямъ
своимъ!“ прибавляетъ Беворискій. —

О жалкой Йорикъ! вопи въ что
нишутъ самые спешенные твои со-
братія; а ты и списашъ стыдишся!

Но эшотъ анекдотъ не принад-
лежитъ до меня, и не имѣетъ ни-
какой связи съ моими путешествіями.
Въ другой разъ я прошу простить
меня за мое *отступленіе*.

Х а р а к т е р ь.

„Скажите же мнѣ, сударь! спросилъ меня Графъ, отдавая паспортъ: каковы кажутся вамъ Французы?“

Можно отгадать, что послѣ такого одолженія я отвѣчалъ на вопросъ его — самымъ учтивымъ образомъ.

„Оставьте церемоніи, сказалъ Графъ: а признайтесь откровенно, находите ли вы у Французовъ чувствительность, кою они вездѣ славятся?“

Все, что я здѣсь ни видалъ, ушверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи.

„О! конечно, прервалъ Графъ: Французы отменно чувствительны.“

До чрезвычайности! —

„До чрезвычайности?“ — Это слово не много кольнуло Графа. — „Вы конечно не по думали, что сказали?“ —

Нѣтъ, Ваше Сіятельство! точно то.

Графъ поддерживалъ свою догадку. — „Вы не хотите всего сказать . . . говорите все чистосердечно, безъ всякаго исключенія.“ —

Мнѣ кажется, Ваше Сіятельство, что бывають такіе вопросы, которые очень похожи на музыку. Чтобы умѣть порядочно на нихъ отвѣчать, непременно нужно имѣть ключъ, какъ бываетъ и въ музыкѣ; и одна нота, взятая выше или ниже, разрушаетъ всю гармонию. —

„Я васъ не понимаю, сказалъ Графъ; потому что не знаю музыки, а прошу разъяснить мнѣ это какънибудь простѣе.“

Просвѣщенный народъ, продолжалъ я: дѣлаетъ весь свѣтъ своимъ данникомъ. Вѣжливость сама по себѣ, — также какъ и прекрасной полѣ — имѣетъ столько прелестей, что надобно быть ошѣнно безсовестному, чтобы сказать о ней дурно . . . Между тѣмъ я думаю, что

только одна есть почка совершенства, до которой человек может достигнуть. . . Если бы он ее переступил, то больше испортил свой характер, нежели усовершенствует его. Я не знаю и не могу судить о Французах, до какой они степени в сем случае доходят; но если бы Англичане достигли когда нибудь до такой вожливости, которая дѣлаетъ честь Французамъ, то кажется, в эпоже самое время, они не потеряли бы и сердечной вожливости, которая больше сближаетъ къ человеколюбю, нежели къ одной наружной учтивости. Но со всемъ тѣмъ, они потеряли бы то, какъ сказать, *мажоръ*, которой отличаетъ ихъ одинъ отъ другаго, и вообще — отъ всего свѣта.

Я вынулъ изъ кармана съ дюжину шиллинговъ Короля Вилліама, которые отъ времени сдѣлались такъ гладки, какъ стекло; они послужили мнѣ доказательствомъ въ нашинѣ.

Извольте посмотрѣть, Ваше Сіятельство! говорилъ я Графу, положи шиллинги на столъ: можноли ихъ различить? . . . Они перебивали въ столькихъ рукахъ, что даже и штемпель весь стерся . . . Англичане подобны старымъ деньгамъ, которыя берегутъ. . . Они оплечаются онъ всѣхъ другихъ людей, и никогда не измѣняютъ своему *характеру*, которой свойственъ имъ по климату. . . . Конечно они не столько пріятны, но за то штемпель такъ яственъ, что съ перваго взгляда вы разсмотрите, чей на нихъ портретъ, и что написано. Но Французы, Ваше Сіятельство!!!

Тутъ мнѣ показалось, что Графъ испугался, не буду ли я говорить чего нибудь съ поношеніемъ его націи. — Французы, продолжалъ я, имѣютъ столько достоинствъ, что и безъ вѣжливости обойтись могутъ. Нѣтъ народа, которой бы больше былъ преданъ своему Государю, великодушнѣе, отвѣжнѣе, разумнѣе, пріятнѣе. Я только нахожу одинъ въ нихъ порокъ, шотъ, что они очень суровы.

„Возможно ли это?“ вскричалъ Графъ вспрыгнувъ со стула: „вы шутите!“

Ваше Сіятельство! я никогда не скажу того, чего не чувствую; а это есть точно мое мнѣніе.

Послѣ того Графъ сказалъ мнѣ, что онъ до крайности огорченъ, что не можетъ долѣе со мною оспашься, и выслушашь, какіе я спану дѣлать доводы. Ему надобно было пошъ же часъ ѣхать къ Герцогу Шоазелю на обѣдъ. — „Я надѣюсь (говорилъ онъ), что вы не сочтете Версалию слишкомъ отдаленною отъ Парижа, и не раздумаете пожаловать ко мнѣ окобѣдать. . . . Тогда, можетъ быть, вы перестанете утверждать, что Французы суровы; и какъ бы то ни было, мы увидимъ, докажете ли вы свое предложеніе . . . Берегитесь однакожь; вамъ должно будетъ сражаться съ цѣлымъ свѣтомъ.“

Я обѣщала Графу, до отъѣзду моего изъ Парижа, сдѣлать себѣ честь побывать у него.

И с к у ш е н и е.

По прїѣздѣ моемъ въ Парижѣ, дворникъ сказалъ мнѣ, что только передомною, какая-то молодая дѣвица, съ корзинкою, меня спрашивала, прибавя: что можетъ быть она еще и шеперь здѣсь. Я взялъ у него ключъ отъ моей комнаты, и повстрѣчался на лѣстницѣ съ молодою дѣвушкою.

Эта была та милая горничная дѣвушка, съ которою я шелъ по набережной. Госпожа Р* послала ее къ модной шорговкѣ, не далеко отъ Моденскаго практира; а какъ я у ней еще не былъ, то и приказала она ей освѣдомиться: не уѣхалъ ли я изъ Парижа, и не оставилъ ли здѣсь письма къ ней?

Дѣвушка вошла со мною въ комнату и дожидалась, пока я напишу записку. Это было въ Маѣ и въ самой прекрасной вечерѣ; окна были задернута алыми шафшяными занавѣсками. — Солнце скрывалось за небо, и бросало такую прелестную

тѣнь на нѣжное личико красочки, что я принялъ ее за спыдливосп — и самъ зарумянился. . . Мы были одни, и это - то заставило меня еще разъ зарумяниться, и гораздо прежде, нежели первой румянецъ успѣлъ пройти.

Если родъ пріятнаго румянца, которой не такъ подозрителенъ, и происходитъ болѣе отъ полнокровія, нежели отъ спремительныхъ желаній. . . Сердце раждаетъ его съ скороспю, а добродѣтель лепитъ за нимъ въ слѣдъ — не для того, чтобъ обратитъ его назадъ, но чтобы сдѣлать ощущение пріятнѣйшимъ. . . Дѣвушка начала говорить. . . За чѣмъ все пересказывать! . . Я почувствовалъ въ себѣ потчасъ что - то такое, которое нимало не соответствовало тому поучительному уроку, которой я преподавалъ ей наканунѣ на набережной. Пять или шесть минутъ искалъ я бумаги, хотя и очень зналъ, что у меня ее совсѣмъ не было. . . Я взялъ перо. . . Оно выпало. . . Руки мои запряслись. . . Дьяволъ овладѣлъ мною.

Я зналъ также, какъ и всякой другой, что онъ бѣжитъ отъ сопротивленій, но я рѣдко съ нимъ вступаю въ бой; хотя и знаю, что останусь побѣдителемъ — боюсь однакожь быть раненъ самъ въ сраженіи. . . . Для меня кажется и вѣрнѣе и надежнѣе уступить ему, и вмѣсто чтобы его гнать, лучше самому бѣжать отъ него.

Пригожая дѣвушка подошла къ столу, на которомъ искалъ я понапрасну бумаги. — Она подала мнѣ перо и чернильницу съ такимъ привлекашельнымъ видомъ, что мнѣ нельзя было не принять. Какая-то робость овладѣла мною.

Но мнѣ не на чемъ писать, моя милая! у меня нѣтъ бумаги. —

„Какая нужда!“ отвѣчала она съ протодушіемъ: „пишите на чемънибудь.“

Я только что хотѣлъ ей сказать: позволь, милая! позволь мнѣ написать на губахъ твоихъ — но

разсудилъ, что не хорошо сдѣлаю, ешьли это ей скажу. — Нѣтъ, душенька! я не буду писать. Потомъ взявъ ее за руки, повелъ къ дверямъ и просилъ не забывать даннаго мною ей наставленія. — Она обѣщала мнѣ помнишь его, и обѣщала съ такимъ жаромъ, что возвращаясь назадъ, положила свои руки въ мои. . . Возможно ли было мнѣ не пожать ихъ! — Я хотѣлъ ихъ выпустить — но все держалъ. . . Я не говорилъ съ нею, но разсуждалъ самъ съ собою. . . Это меня много мучило, но я все пожималъ ей руки. Я хотѣлъ кончить сраженіе, хотѣлъ ее оставить, но вмѣсто чтобъ окончать, я больше начиналъ. Колѣна мои подломились — я зашрепешалъ.

Постеля была отъ насъ не далѣе двухъ шаговъ. . . Я держалъ красотку еще за руки. — и право не знаю, какъ это случилось — только я ей не говорилъ ни слова. . . не подводилъ ее. . . даже мнѣ и въ голову не приходило о постелѣ. . . но — мы очутились на ней, и сидѣли оба въ ногахъ.

„Надожно вамъ, сударь, показашь (говорила она) маленькой кошелечикъ, кошорой я сшила сего дня по утру для вашего ефимка.“ — Она искала его въ правомъ карманѣ, съ моей стороны — искала очень долго, и не нашла. Потомъ опустила руку въ лѣвой — и шущь не нашла. Бѣдняжка испугалась, думая, что она потеряла кошелечикъ. Я никогда ничего не ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ она опять начала искать въ правомъ карманѣ, и — нашла. — „Вотъ онъ!“ сказала она обрадовавшись. Онъ былъ зеленой шафляной, подбитъ бѣлымъ атласомъ, и почво такой величины, какая нужна для вложенія одного только ефимка. . . Она дала мнѣ его. Я минутъ съ десять держалъ его въ рукѣ, облокотясь на колѣна красавицы и смотрѣлъ то на нее, то на свою руку.

На моемъ галстукѣ распустились складки. Дѣвушка не говоря ни слова вынула иглу, и начала зашивать. . . Я предвидѣлъ всю опа-

достоинствъ, которая угрожала моей сла-
вѣ. — Но когда она обхватила ру-
ками своими мою шею, не прерывая
молчанія, тогда лавры поколеба-
лись на головѣ моей, которыми я
увѣнчивалъ себя только въ воображе-
ніи, и — чуть. чуть не спали. На
одномъ башмакѣ ее расстегнулась
пряжка. —

„Посмотрите!“ (сказала она) я
бы потеряла ее, ежелибъ шеперь
этого не примѣтила.“

Я не захотѣлъ бытъ меньше ея
учтивымъ. Если она зашила мой
палстукъ, для чего же и мнѣ не
застегнуть у ней пряжки? — Раз-
стегая клѣшу, я приподнялъ дру-
гую ножку, чтобъ сличить, какъ
равно надобно застегнуть. . . Я сдѣ-
лалъ это немножко неоспорож-
но, — красавица опрокинулась. . . И
тогда . . .

вѣкъ, суроваго виду съ загорѣлымъ лицомъ, кошорой расхажывалъ съ важностію по улицѣ, въ меланчемъ Дѣ! и шлѣдѣ? . . . О вы, кошорыхъ хладныя души и оледенѣлыя сердца могушъ побѣждать или скрѣплять спрашеши свои разужденіемъ! скажите: какое преступленіе дѣлаелъ человекъ, когда ихъ чувствуемъ? Не ужели душа его будетъ опѣвчатъ Творцу, всѣхъ душъ за то, что она возмущена?

Естьли Природа, связавъ узелъ дружбы, запутала въ него нѣсколько нипокъ любви и вождедѣнія, то не уже ли должно разорвать весь узелъ, чшобъ доспашъ изъ него двѣ нитки? Премудрый Создатель! думалъ я: порази тачовъхъ нечувствительныхъ. . . Въ какое бы мѣсто Ты не гереселилъ меня для исцеленія моея добродѣтели, — въ какую бы ни былъ вверженъ я опасность, — какого бы ни было мое состояніе — дай мнѣ чувствовать силу сраженія, свойственную человечеству. . . И естьли

снесте, которая угрожала моей сла-
вѣ. — Но когда она обхватила ру-
кавами мою шею, не проронила

Прочитавъ эту молитву, я по-
днялъ краснопочку, и вышелъ съ нею
изъ комнаты. — Пока я заиралъ
дверь и клалъ ключъ въ карманъ,
она спояла подлѣ меня. А какъ
пужка уже была застегнута, то
мнѣ не оставало въ ничего болѣе дѣ-
лать, какъ поцѣловать ее, и взявъ
подъ руку, проводишь до самой
улицы.

Т а й н а.

Кто знаетъ человѣческое сердце,
шопъ легко догадается, что мнѣ
не лзя было возвратиться скоро въ
свою комнату. Я остановился у во-
ротъ, смотрѣлъ на прохожихъ,
и дѣлалъ свои заключенія по газнымъ
ихъ поступкамъ. Одинъ изъ нихъ
обратилъ на себя мое вниманіе, и
привелъ меня въ замѣшательство.
То былъ худощавой высокой чело-

вѣкъ, суроваго виду съ загорѣлымъ лицомъ, кошорой расхажывалъ съ важностію по улицѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ прѣктира. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти; подъ мышкою держалъ коротенькую палочку. Плашье на немъ было черное суконное, хопя и довольно воношеное, но нигдѣ не замарано. Онъ безпрестанно снималъ шляпу и подходилъ ко всѣмъ проходящимъ. Я подумалъ, что просишь милостины, и приготоуилъ нѣскольکو мѣлкихъ денегъ; — но онъ прошелъ мимо меня, не сказавъ ни одного слова, и отсѣдя шаговъ шесть, остановился передъ женщиною, кошорая шла къ нему на встрѣчу. — Казалось, что ему лучше бы у меня попросишь чего нибудь, нежели у ней. — Поговоря съ нею скинулъ шляпу и подошелъ къ другой. Въ это время проходилъ мимо его какой-то пожилыхъ лѣтъ Господинъ, а за нимъ молодой человекъ очень хорошо одѣтый. Онъ ихъ пропустилъ обѣихъ. Но минушу спустя, опять скинулъ шляпу передъ женщиною. Я остановился и смотрѣлъ на него съ добрые полчаса; а онъ продолжалъ

ходить по прежнему: назадъ и впередъ.

Двѣ вещи были для меня опмѣнно нелюбящны; которыя рождали во мнѣ бесполезныя размышленія. Первая та, для чего онѣ рассказывалъ свою исторію, одѣмѣ только женщинамъ? Другая — какого рода было его краснорѣчіе, которое употреблялъ онѣ, чтобы пронуть ихъ сердца, и которое, по видимому, не дѣйствовало вовсе на мужчинъ?

Другія два обстоятельства еще болѣе дѣлали для меня эту *тайну* непроницаемою. Любопышно было знать, что онѣ шепталъ на ухо женщинамъ, и шепталъ такъ, что можно скорѣе подумать, что онѣ повѣрялъ *тайну*, нежели просилъ милостины; и онѣ чего всякой разѣ предпріятіе его было успешно? Каждая женщина, какую онѣ ни останавливалъ — вынимала свой кошелекъ и давала ему нѣсколько денегъ.

Тутъ я больше сталъ размышлять, но со всѣмъ тѣмъ не могъ

неполковашь этого чуда. Это была
иная загадка, которая занимала
меня цѣлой вечеръ, и для того по-
шелъ я въ свою комнату.

Дѣйствиіе совѣсти.

Хозяинъ мой вошелъ за мною, и
сказалъ мнѣ, чтобъ я приискивалъ
другую квартиру. —

Для чего же, мой другъ?

„Какъ для чего, сударь! не у
васъ ли была заперта цѣлые два ча-
са молодая дѣвушка? Это совсѣмъ
противъ правилъ моего дома!“

Ну, господинъ хозяинъ, естли
это противно твоимъ правиламъ,
но — дѣлать нечего; однакожь мы
разстанемся съ побою добрыми друзь-
ями, потому что дѣвушка — кля-
нусь тебѣ честно — никакого вреда
не чувствовала, — также какъ и я.

„Ужь и этого, сударь, доволь-
но, чтобъ нанести безславіе моему

дому . . . Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія. . . посмотрите на посылку! . . .“

Правду сказать: на ней видно было кое - что. . . . Но честолюбіе мое не допустило меня всунуть съ хозяиномъ въ дальнія объясненія. Я просилъ его успокоиться, и уснувши также крѣпко, какъ и я, обѣщавъ завтра же съ нимъ расплатиться.

„Мнѣ бы нужды не было, сударь! хоть бы къ вамъ приходила и дюжина дѣвушекъ.“ —

Я и обѣ одной - то не думалъ, мой другъ! —

„Да только приходили бы поутру.“

Развѣ въ Парижѣ одна разность во времени дѣлаешь разность въ преступленіи? —

„О! конечно, сударь! это нарушаетъ благоприсойность.“

Умѣя разбирать людей, я не могъ разсердиться на моего хозяина.

„Иностранцу надобно , (продолжалъ онъ) имѣть свободное время покупать что нибудь , а потому и не мѣшаетъ посѣтить его какой нибудь торговкѣ съ кружевами , манжетами , шелковыми чулками и съ корзинкою . . . Такая пускай идетъ . . .“

Такъ слѣдственно , мой другъ , мы оба правы ; я тебѣ клянусь , что у той дѣвушки была корзинка . . . А что въ корзинкѣ было , я право не знаю. —

„Купили ли вы , сударь , у ней что нибудь ?“ —

Ничего. —

„Такъ я васъ познакомлю съ другою дѣвушкою , которая продаетъ вамъ все за сходную цѣну.“

Хорошо , очень хорошо ; а еще было бы лучше , когда бы она ко мнѣ пришла сего дня же ввечеру. —

Хозяинъ мнѣ поклонился, и не говоря ни слова вышелъ вонъ.

Я восторжествую надъ нимъ, подумалъ я. Но какая мнѣ будетъ отъ этого польза? Я ему покажу, что у него прегнусная душа. А потомъ? . . . Я едва не проговорился, что чрезъ это сдѣлаю пользу другимъ . . . Другова же отвѣта лучше — не придумалъ . . . Я примѣшилъ, что въ предпріятіи моемъ было больше злости, нежели основательности; а за тѣмъ — мнѣ оно и не понравилось.

Едва уснѣлъ я заключить миръ въ моей душѣ, какъ вдругъ явилась ко мнѣ молодая торговка съ кружевами. Вотъ тебѣ развѣ! подумалъ я: она пожаловала совсѣмъ не къ старши; я право ничего покупать у ней не въ силахъ.

Она хотѣла мнѣ показать все . . . но мудрено было показать то, что мнѣ нравилось. — Между тѣмъ приговорилась, будто не примѣчаетъ моего равнодушія. Плуповка открыла

свой ящикъ, вытаскивала кружева и развертывала ихъ передо мною съ великимъ терпѣніемъ и пріятностію. — Оставалось мнѣ покупать; а она отдавала свой поваръ за такую цѣну, какую я самъ назначу... Бѣдненькая чрезвычайно хотѣла что-нибудь вышорговать, и дѣлала все, чѣмъ думала побѣдить мою упорность. Прелести ея были одушевлены простосердечіемъ и ласкою; казалось, что искусство совсѣмъ имъ не помогало.

Ежели нѣтъ въ человѣкѣ добраго основанія — шѣмъ для него хуже. Сердце мое сдѣлалось мягче, и послѣднее предпріятіе перемѣнилось такъ же легко, какъ и первое. — За чѣмъ наказывать одного за погрѣшность другаго? Когда ты плашишь пошлину этому негодному хозяину, размышляя я, посмотри на молодую шорговку, то — жалѣю о швоей участи.

Естьли бы у меня было въ карманѣ шолько чешыре луйдора, то и

тогда бы не отпустилъ ее безъ того, чтобъ не купить у ней на при. Я взялъ одну пару манжетъ.

Хозяинъ практира раздѣлитъ съ нею барышъ. — Что нужды! Я заплашилъ такъ же, какъ и многіе прежде меня плачивали за такое дѣло, которое они не только не могли совершить, но даже не имѣли на то и желанія.

З а г а д к а.

За ужиномъ Лафлеръ сказалъ мнѣ, что хозяинъ чрезвычайно сожалѣетъ, обидѣвъ меня своимъ предложеніемъ о перемѣнѣ кварширы.

Кто хочетъ крѣпко спать, тому не должно ложиться съ злобою, когда только въ силахъ ее преодолѣть. Я приказалъ Лафлеру сказать хозяину, что мнѣ самому очень жаль, что я подалъ ему случай оказать такое непріятное привѣтствіе.

Ты можешь и это прибавить, Лафлеръ, что я болѣе не захочу видѣть шу молодую дѣвушку, хотя бы она и пришла ко мнѣ.

Жертва эта конечно была дѣлана не ему — но самому себѣ. Отдѣлавшись такъ счастливо, я рѣшился никогда не пускайся на подобную опасность, и — какъ возможно скорѣе, уѣхалъ изъ Парижа съ такими же *правилами* добродѣтели, съ какими въ него прѣхалъ.

„Смѣю доложить, милостивый Государь, отвѣчалъ мнѣ Лафлеръ съ пренизкимъ поклономъ: это будетъ совсѣмъ противъ *правиль*. . . Нѣтъ, сударь, вы безъ сомнѣнія перемѣните ваши мысли. Ну естли когда нибудь вздумаете *позабавиться*?“ —

Пустое, Лафлеръ! какая въ этомъ забава? —

„Чудное дѣло!“ вскричалъ Лафлеръ, собирая съ стола.

Онъ пошелъ ужинать, и черезъ часъ возвратился раздѣвать меня съ такою разшоропностію и услужливостію, какой не возможно больше требовать. Я примѣтилъ, что у него вертѣлось что-то такое на языкѣ, чего не смѣлъ онъ мнѣ сказать. Хотя мнѣ это и непонятно казалось, но я не сталъ обременять голову пустыми догадками. У меня была другая *загадка*, гораздо поважнѣе. Я безпрестанно думалъ о томъ челоѣкѣ, которой такъ странно просилъ милостины.

Я очень бы хотѣлъ узнать всѣ объ немъ подробности, но — не изъ любопытства. Это побужденіе для меня очень низко кажется. Таинство — имѣющее магическую силу смягчать такъ скоро женскія сердца — почиалъ я не маловажнѣе философическаго камня. Если бы принадлежали мнѣ объ Индіи — по одну изъ нихъ отдалъ бы я за это таинство.

Я продумалъ цѣлую ночь, но — бесполезно. Мнѣ грѣзились такіе

необыкновенные сны, которые такъ же смущали разумъ мой, какъ нѣкогда — имъ подобные — смущали разумъ Царя Вавилонскаго; и смѣю увѣрить, что бредни мои были бы также непонятны для мудрецовъ Французскихъ, какъ бредни Фараона для Халдейскихъ чародѣевъ.

В о с к р е с е н ь е.

Проснувшись на другой день, я едва могъ узнать Лафлера, который принесъ ко мнѣ завтракъ: онъ одѣтъ былъ щегольски.

Нанимая его въ Монпріуль, я обѣщаль ему новую шляпу съ пеплицею и серебряною пуговицею, и сверхъ того шесть луйдоровъ на плащъ. На все это я далъ ему семь; и Лафлеръ мастерски упрелбилъ свои деньги въ Парижѣ.

На немъ былъ прекрасной алой кафтанъ съ исподнимъ плащемъ того же цвѣта, весьма мало поно-

шенныя . . . Я очень былъ недоволенъ, когда услышалъ отъ него, что онъ купилъ все это въ лоскутномъ ряду. Мнѣ хотѣлось лучше знать, что оно сдѣлано по немъ на заказъ. Но это такая щекотливость, которая не слишкомъ много значить въ Парижѣ.

Камзолъ у него былъ синій атласной, изрядно вышитый серебромъ, хотя довольно и вытертъ, но не совсемъ еще потерялъ виду. Блѣдноватой цвѣтъ атласа, чрезмѣрно дѣличествовалъ кафтану и исподнему плащю. Онъ не забылъ купить кошелька, шитыхъ манжетъ и шелковыхъ чулокъ, а припомъ запасся всемъ нужнымъ. Природа одарила его красивымъ спаномъ, которой не стоилъ ему ни копейки. . . . Однимъ словомъ: все вмѣстѣ было опмѣнно хорошо.

Въ такомъ-то нарядѣ вошелъ ко мнѣ Лафлеръ съ превеликимъ букетомъ цвѣтовъ въ петлицѣ у кафтана. Веселый видъ, осанка и при-

ищность его, напомнили мнѣ, что это было *Воскресенье*. — Сосбравшая всѣ обстоятельства, я тотчасъ понялъ, что вѣрно онъ хотѣлъ вчера просить у меня позволенія провести этотъ день такъ, какъ проводятъ его въ Парижѣ. Лишь только я подумалъ, какъ Лафлеръ съ робкимъ видомъ, но съ нѣкоторою надеждою, просилъ меня уволить его на цѣлый день.

Чтожь ты, Лафлеръ, будешь цѣлый день дѣлать? —

„Погуляю, сударь, съ любовницею“ — отвѣчалъ онъ мнѣ откровенно.

Я хотѣлъ самъ также быть у Госпожи Р*, и для того нарочно нанялъ карету. Такой щеголеватой лакей не мало бы польстилъ моему тщеславію. Я насилу могъ рѣшиться обойтись на это время безъ него.

Въ таковыхъ случаяхъ не умствовать надобно, а чувствовать. Слуги, дѣлая съ нами договоры,

жертвуютъ свободою, но не Природою. Они имѣютъ такое же шцеславіе и шакія же желанія, какъ и господа ихъ; но недосшатокъ принуждаешъ ихъ отказаться отъ самихъ себя. Надѣяніе ихъ бываетъ иногда шакъ безразсудно, что ешть ли бы они были не въ томъ состояніи, которое даетъ мнѣ право ко всегдашнему ихъ оскорбленію, я часто бы обманывалъ. . . Но когда вспомню, что они могутъ мнѣ сказать въ то время, какъ я начну надъ ними господствовать: *знаю, сударь, знаю очень, что я еашъ слуга* — то послѣ этого я теряю всю силу господства.

Ты можешъ идти, Лафлеръ, куда тебѣ угодно, говорилъ я ему: но скажи пожалуй, какого рода любовницу подѣпилъ ты въ такое короткое время въ Парижѣ?

Лафлеръ съ нѣкоторою ужимкою открылъ мнѣ, что это была дѣвушка, которую подмѣшилъ у Графа Б*. — Лафлеръ былъ человекъ весе-

лаге духа, и молвишь правду, — онъ такой же былъ непромахъ, какъ и господинъ его. Но какимъ образомъ удалось ему, того — не понимаю. Онъ сказалъ мнѣ только то, что когда я былъ у Графа, онъ познакомился съ дѣвушкою передъ лѣсницею; и въ то время, какъ я старался исходатайствовать покровительсваго у Графа, Лафлеръ добивался такого же у пригожей дѣвушки. Она должна была нынѣшній день придти въ Парижъ, съ двумя или тремя своими пріятельницами Графскаго же дома, и Лафлеръ далъ слово гулять съ ними по валу.

Счастливей народъ! ты по крайности хотя одинъ разъ въ недѣлю забываешь можешь свои скорби, и проводишь день въ радостяхъ, збросивъ съ себя всю заботу и печаль, удручающихъ все другія состоянія!

Непредвидимое отраженіе.

Ни Лафлеру , ни мнѣ самому не приходило въ голову , чтобъ онѣ оставилъ мнѣ такую забаву , которая могла бы занять меня очень долго.

Онѣ принесѣ ко мнѣ масло на смоковничьемъ листѣ ; а какъ въ то время было очень тепло , то выпросилъ у кого - то старой лоскутъ бумаги и подложилъ его подъ листъ вмѣсто тарелки.

Я велѣлъ ему все это поставить на столъ такъ точно , какъ лежало у него на рукѣ. — Опустивъ его со двора — я расположился остаться на цѣлой день дома , и для того приказалъ хозяину пракира приготовить мнѣ обѣдъ.

Сбѣвши масло , выбросилъ листъ за окно ; я тоже бы сбѣлалъ и съ бумагою , еслибъ она не была печатная ; мнѣ захотѣлось ее посмотреть. Я прочелъ одну строку , потомъ другую и третью. Любопыш-

ство побуждало меня читать дальше. Я затворилъ окно, сѣлъ и принялся за нее порядочно. — Она была писана старымъ Французскимъ языкомъ, какъ казалось, во времена Рабеласа; а можетъ быть и имъ самимъ. Листеры были стары, и такъ изгладились отъ долговременнаго употребленія, что мнѣ крайне было трудно разбирать. Я оставилъ чтеніе, и началъ писать къ другу моему Евгенію. — Потомъ взялъ опять лоскутокъ; и вышедъ изъ терпѣнія, хотѣлъ успокоить себя, и — написалъ къ тебѣ, милая Лизета; но раздраженный затрудненіемъ прочесть проклятую бумагу, я взялъ ее еще разъ, и разбиралъ до самаго обѣда.

Разгорячивъ свое воображеніе бурьяною Бургонскаго вина, я опять приступилъ къ моему уроку.

Грутеръ, или Споній, никогда столько не старались проникнуть смыслъ неизвѣстныхъ медалей; въ два или три часа, я чувствовалъ себя въ силахъ понимать то, что

читалъ. — Для лучшаго удостовѣренія мнѣ вздумалось перевести по Англински, и посмошрѣвъ, что изъ этого выдесть. — Я долго разхаживалъ по комнатамъ, садился къ окну, бралъ перо, и наконецъ въ девять часовъ вечера кончилъ мой трудъ. — Пусть судятъ о немъ какъ хошатъ. Вотъ онъ:

Другой отрывокъ.

„Жена Нотариуса съ великимъ жаромъ спорила объ этомъ съ своимъ мужемъ. Я желалъ бы, сказалъ Нотариусъ, бросивъ на полъ свою бумагу, чтобы кто нибудь другой былъ теперь на моемъ мѣстѣ.“

„А что бы ты тогда сдѣлалъ? спросила она его вспрыгнувъ съ стула. Жена Нотариуса была женщина не большаго роста, злая и вздорная; а чтобъ избѣгнуть свирѣпостей *Урагона*, мужъ рассудилъ за благо опвѣчать ей поскромнѣе, — я легъ бы

тогда спать. — Какаяжь мнѣ нужда, прервала жена: хоть бы ты пошелъ къ чорпу! мнѣ все равно.“

„Во Франціи нѣтъ обыкновенія ставишь лишнія въ комнахахъ постели; а какъ у нихъ была одна, по Ношаріусъ ни мало не хотѣлъ спать съ своею женою, которая послала его къ чорпу, и которую однако же другой мужъ, нѣсколько повспыльчивѣе, также проводилъ бы къ дьяволу; а Ношаріусъ взялъ шляпу, просишь, плащъ, и ушелъ со двора.“

„На эту пору случилась ненастная и дождливая ночь; бѣднякъ Ношаріусъ съ большою горестію пробирался къ *Новому мосту*.“

„Всѣ тѣ, которые черезъ него переходили, должны признашь, что изъ всѣхъ мостовъ, какіе только есть на земномъ шарѣ, *Новой мостъ* всѣхъ лучше, огромнѣе, ширѣ и великолѣпнѣе.“

Можетъ быть я и ошибаюсь : по описанію , которое дѣлаешь сочинитель *отрывка* , заключить должно , что онъ былъ не Французъ. Но будемъ продолжать ; продолженіе лучше дурнаго разсужденія.

„Одинъ порокъ , которой приписываютъ этому мосту Господа Богословы , Сарбонскіе Училиши и Казуисты , есть пошль , что когда случается въ Парижѣ вѣтеръ , то нигдѣ больше и нигдѣ чаще не бранятъ за это Природу , какъ на немъ. И это совершенная правда , друзья мои ! тамъ вѣтеръ реветъ страшно ; онъ несетъ съ такою стремительною и скорою силою , что изъ пятидесяти проходящихъ особъ едва ли останешся одна , съ которой бы чегонибудь не сорвало , или не открыло бы чего. . .“

„Бѣдной Нопариусъ , желая спасти свою шляпу , прижалъ ее къ головѣ шпостью , и проходя въ это самое время мимо караульни , задѣлъ концемъ за шляпу караульнаго. Шляпка ослабѣла , вѣтеръ сорвалъ съ головы его и — свѣялъ въ рѣку.“

„Это вътеръ проказитъ! сказа- залъ перевозчикъ, подхватя шляпу съ своего челнока.“

„Караульной былъ Гасконецъ. Потеря шляпы привела его въ ярость; онъ запрясъ усами и приподнялъ свой пищаль.“

„Въ тѣ времена спрѣляли изъ пищалей не иначе какъ посредствомъ фишиля. Вътеръ, которой дѣлаетъ непоспимыя чудеса, задулъ огонь въ бумажномъ фонарѣ, бывшемъ въ рукахъ одной мимоидущей спарушки. Она, подошедъ къ караульному, просила его зажечь свою свѣчку. . . Это самое умѣрило нѣсколько гнѣвъ Гасконца, и подало ему мысль, обрати- ть этотъ случай въ лучшую для себя пользу. — Онъ подбѣжалъ къ Нотариусу и схватилъ съ головы его бобровую шляпу. *Это вътеръ про- казитъ*, сказалъ онъ, чтобъ полу- чить на добычу свою такое же право, какъ и перевозчикъ.“

„Жалкой Нотариусъ, не отвѣчая ни слова, перешолъ мостъ; но вы-

шедъ на Дофинову улицу, началъ жаловаться на Судьбу свою.“

„Какъ я несчастливъ! вскричалъ онъ: не ужели дѣлой вѣкъ буду игралищемъ бури, непогоды и вѣтра? не ужели родился я только для того, чтобъ слышать злорѣчія и проклятія, которыми осыпають безпрестанно моихъ собратій и меня? не уже ли Судьба нарочно принудила меня чрезъ церковное заклинаніе взять такую жену, которая, прежде нежели впелась въ это дѣло, была опмѣнно шиха, а теперь злѣе всякой фуріи? не уже ли для того воспали противу меня домашнія бури, чтобъ дать случай эшимъ лишить меня мсей бобровой шляпы? Теперь, съ открытою головою и въ ненастную погоду, предаюсь во власть свирѣпаго вихря. Куда идти? гдѣ провести мнѣ ночь? Случалось ли такое несчастіе, хотя съ однимъ изъ моихъ собратій?“

„Такъ ропталъ Нотаріусъ на Судьбу свою, какъ вдругъ услышалъ на концѣ темнаго переулка голосъ, который приказывалъ позвать какъ можно скорѣе самаго ближайшаго Но-

шаріуса. — Но шаріусъ подумавъ, что нельзя никому быть ближе его, объявилъ о своемъ званіи. Случай и воровъ дѣлаешъ. Онъ повернулъ въ переулочъ, и вошелъ чрезъ растворенную дверь въ большую комнату, откуда старая служанка привела его въ другую комнату, еще гораздо болѣе, гдѣ никакихъ другихъ мебели не было, кромѣ длиннаго бердыша, лапъ, заржавѣлаго палаша, и широкаго ремня, которые были развѣшаны на вѣздахъ по всѣмъ стѣнамъ.“

„Одинъ дряхлой и безъ сомнѣнія благородной — естли только зло-счастіе и нищета не помрачаютъ благородства — лежалъ на кровати, задернутой занавѣсомъ. Рука служила ему вмѣсто подушки. Возлѣ постели на маленькомъ столикѣ стояла свѣчка, которая освѣщала всю комнату. Но шаріусъ сѣлъ на стулъ близъ самой кровати, и вынувъ изъ кармана чернильницу и листа два бумаги, положилъ на столъ, — обмочилъ перо — нагнулъ голову на бумагу — и съ величайшимъ вниманіемъ приготовился слушать.“

„Увы, господинъ Нотариусъ! говорилъ изнемогающій: я такъ бѣденъ, что не имѣю чѣмъ заплашить и за духовную, кромѣ одной моей *исторіи*. . . и признаюсь тебѣ, что я не умру спокойно, если не выпущу ее въ свѣтъ. . . Я отказываю тебѣ весь доходъ, которой ты отъ нее получишь. . . Но берегись, чтобъ книгопродавцы не подорвали ея кредита. . . Это такая необыкновенная *исторія*, которую весь свѣтъ читать будетъ съ жадностію. . . Она соспавитъ счастье твоего семейства. . . Но еще разъ берегись книгопродавцевъ.“ . . .

„Чернила засохли; Нотариусъ опять обмакнулъ перо.“

„Всемощный Правитель всѣхъ произшествій моей жизни! возопилъ старикъ поднявъ глаза и руки къ небу; о Ты! Коего могущественная длань препровождала меня черезъ лабиринтъ спранныхъ криключеній — уцѣли память дряхлаго и печальнаго. . . руководствуй языкъ мой духомъ вѣчной Твоей истины, и внуши сему незна-

комцу, да не напишетъ онъ ничего такого, чего не было написано въ этой невидимой книгѣ, которая должна меня осудить или помиловать!“

„Нотариусъ, издавна наслышавшись, что романы ничто иное, какъ бредни, восхищенъ былъ до безумія, что ему удастся написать хотя одинъ наполненный испиномъ. — Онъ приподнялъ перо свое и — готовъ былъ начинать.“

„Эта *исторія*, господинъ Нотариусъ, сказалъ умирающій, приведетъ въ сосраданіе всю Природу. — Она пронетъ сердца человѣческаго, и самыя жестокія, самыя свирѣпыя души почувствуютъ умиленіе.“

„Нотариусъ рвался отъ нестерпимости; ему отменно хомѣлось скорѣе писать, и, какъ догадаться можно, больше для того, чтобъ выдать ее послѣ въ свѣтъ подъ своимъ именемъ. Онъ воображалъ, что на него будутъ смотрѣть какъ на чудо. — Онъ обмакнулъ перо въ третій разъ; больной оборотясь къ нему сказалъ: пишите,

господинъ Нопариусъ; и Нопариусъ размахистымъ почеркомъ приснулъ къ дѣлу. . .“

Гдѣ же продолженіе? спосилъ я у Лалфера, которой въ самую эту минушу вошелъ ко мнѣ въ комнату.

Букетъ цвѣтовъ.

„Продолженіе, сударь? ихъ только два листа и было; эштоу, да еще другой съ букетомъ цвѣтовъ, коюрой подарилъ я моей красавицѣ.“ —

Сдѣлай же одолженіе, Лафлеръ, сбѣгай за нимъ, и еспьли онъ у ней еще цѣлъ, попроси его. —

„Безъ сомнѣнія цѣлъ, сударь“ сказалъ и побѣжалъ во весь духъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, такъ запыхавшись и такъ опечаленъ, какъ бы что нибудь потерялъ драгоценнѣйшее. — „Праведный Боже! вскричалъ Лафлеръ: еще не

прошло четверти часа, какъ я разспался съ нею со всею нѣжностію, а вѣпренница успѣла уже въ такое короткое время подарить залогъ моей нѣжности какому-то Графскому лакею. — Я побѣжалъ, сударь, къ нему — но и шутъ опоздалъ: онъ подарилъ его молодой кружевницѣ, а она отдала его знакомому музыканту, которой унесъ его, Богъ знаетъ куда.“ —

И съ печатнымъ листомъ, Лафлеръ ? —

„Да, сударь!“ —

Какъ бытъ, Лафлеръ! мнѣ право не меньше своего досадно. — Я вздохнулъ и — Лафлеръ за мною; но съ тою разницею, что Лафлеровъ вздохъ былъ гораздо слышнѣе.

„Какое вѣроломство!“ вскричалъ Лафлеръ. —

Да, это не шутка, оспивчалъ я.

„Мнѣ бы не такъ было больно, естли бы она его потеряла.“ —

И мнѣ также, Лафлеръ, естли бы я ее нашолъ. Въ слѣдствіи увидяшъ, нашолъ ли я эшошъ листъ, или нѣшъ.

Дѣйствіе благотворенія.

Человѣкъ, которой боится войши въ темное мѣсто, можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ и способнымъ ко многимъ дѣламъ, но — не можетъ быть хорошимъ *чувствительнымъ Путешественникомъ*. Я мало занимаюсь тѣмъ, что происходитъ среди бѣла дня на большихъ улицахъ. . . . Природа весьма скромна, и не любитъ дѣйствовать передъ многими зрителями. Иногда — въ какомъ нибудь закулкѣ — случается видѣть такія короткія явленія, которыя несравненно больше стоятъ, нежели всѣ чувствованія дюжины Французскихъ трагедій, соединенныхъ вмѣстѣ. — Однакожь и онѣ годятся. — Когда мнѣ захочется сочинить про-

повѣдь, нѣскольکو красивѣе обыкновенной — я всегда ихъ чишаю, и нахожу неизчерпаемый источникъ матеріаловъ. . . . Каппадокія, Понтъ, Азія, Фригія, Памфілія и Мессина столько же снабжаютъ меня хорошими текстами, какъ и Библія.

Изъ комической Оперы есть длинной и темной ходъ въ переулокъ, куда ходятъ только тѣ, которые намѣрены ждать извозчика, или идти пѣшкомъ. Конецъ этого коридора освѣщенъ хрустальною лампадкою, откуда слабый свѣтъ перелетѣлъ прежде, нежели дойдетъ до другаго конца. Свѣпильня эта поставлена не столько для освѣщенія, какъ для украшенія. Издали она похожа на неподвижную маленькую звѣздочку, которая горитъ, а никакой пользы не дѣлаетъ.

Проходя чрезъ это мѣсто за пять или за шесть шаговъ отъ улицы, увидѣлъ я двухъ женщинъ, которыя держали другъ друга за руку, и казалось ожидали кареты. Подкравшись къ нимъ поближе, я при-

спайлся. На мнѣ было черное плашье, а потому и не могли онѣ меня примѣшить.

Я самѣ не могѣ хорошо разпознашь ихѣ чертѣ ; но подкравшись къ нимѣ замѣтилѣ, что та, копорая стояла ко мнѣ ближе, была лѣтъ тридцати шести, росту высокаго, худощавая ; а другая ниже и полнѣе, но постарѣе. Я право не знаю, замужнія ли онѣ были, или вдовы — онѣ казались сестрами, истинными Веспалками, копорыя скучали своимѣ соспоянїемѣ столько же, какѣ и званїемѣ. Всего болѣе мнѣ понравилось въ нихѣ то, что онѣ не расположены были къ льспивымѣ напѣвамѣ любовниковѣ, и, казалось, не охотно могли внимать нѣжныя ихѣ ласки. — Я желадѣ бы сдѣлать ихѣ счастливыми — но Судьба опредѣлила къ тому другога.

Вдругѣ слышался тихой голосѣ, копорой весьма убѣдительно и съ прїятнымѣ тономѣ просилѣ у нихѣ ради Христа двенадцать копѣекѣ. — Для меня было странно, что

нищій опредѣлительно назначалъ, какую ему подашь милосшину, и въ двенадцать разъ больше, какъ обыкновенно подають имъ и днемъ и ночью. — Женщины удивились не меньше моего. —

„Двенадцать копѣекъ!“ сказала одна. —

„Двенадцать копѣекъ!“ повторила другая.

„Я не смѣлъ, милосшивыя государыни! говорилъ бѣднякъ, попросишь меньше у такихъ знатныхъ Особъ, какъ вы.“ Сказалъ, и поклонился имъ въ поясъ.

„Богъ съ тобой, голубчикъ! отвѣчали обѣ: у насъ нѣтъ мѣлкихъ денегъ.“

Онъ помолчалъ минушны съ двѣ и опять началъ просить: „Сжалось надо мною, прекрасныя госпожи!“ —

„Право, мой другъ! сказала одна изъ нихъ помоложе: у насъ нѣтъ мѣлкихъ денегъ.“ —

„Да благословитъ васъ Богъ, продолжалъ нищій, и да ниспошлетъ вамъ благодать Свою!“

Старшая опустила руку въ карманъ. Посмотримъ, нѣтъ ли шухъ хоть одной копѣйки. —

„Одну копѣйку! перервалъ нищій: ахъ, сударыня! пожалуйте двенадцать. Если бы Природа была такъ къ вамъ щедра, то не поскупилась бы дать несчастному, совсѣмъ ею ослепленному.“

Я конечно бы не отказала, говорила младшая, если бы у меня были деньги.

„Сострадательныя красавицы! продолжалъ онъ: одна только добродѣтель и человеколюбіе придающъ такой сильной и пріятной блескъ глазамъ вашимъ, о которыхъ сей часъ Маркизъ де Виллиерсъ, проходя мимо, говорилъ съ великимъ удивленіемъ своему брату.“

Такое убѣжденіе пронуло обѣихъ. Онъ вдругъ опустили руки въ

карманъ, и вынули каждая по двенадцати копѣекъ. Споръ прекратился между ими, но осталось одно недоумѣніе, кою изъ нихъ опдашь двенадцати-копѣшную монету. Кончилось тѣмъ, что онѣ — обѣ дали ему по спольку, и *нищій* — ушолъ.

Отгадка.

Я побѣжалъ за нимъ, и увидѣлъ, что это былъ тотъ самой, кою попался мнѣ передъ Моденскимъ пракширомъ, и привелъ меня въ такое замѣшательство. — Тотчасъ опгадавъ я его шайнство, и узналъ, что основаніе его было — лешъ.

Сладостной эиміамъ! какую прохладу подаешь ты Природѣ! какое дѣйствіе имѣешь надъ ея могуществомъ и ея слабостію! съ какою пріятностію входишь въ кровь, и достигаешь до нашего сердца!

Время было свободное, и нищій не шоропился изливать усладитель-

ной свой нектаръ. Но въ такихъ случаяхъ, гдѣ пребывались переломы скорые, а особливо на улицахъ, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ таинство составляющъ изъ него самый наипончайшій спиртъ. Я не забочусь знать, какъ онъ его производилъ; довольно съ меня и того, что узналъ, какимъ средствомъ досталъ онъ двадцать четыре копѣйки. На этомъ свѣтѣ весьма много подобныхъ Химиковъ, копорые, чрезъ составленіе такихъ спиртовъ, живутъ въ большомъ изобиліи; пусть они дадутъ лучшее понятіе о таинственныхъ своихъ лабораторіяхъ.

О п ы т ь.

Вступая въ свѣтъ, мы болѣе любимъ одолжаться, нежели одолжать. Тогда только поливаемъ мы яблонь, когда бдимъ съ ней яблоки, или — надѣемся бшь.

Графъ де Б* доставя мнѣ паспортъ, сдѣлалъ и другоз одолже-

іе. — Приѣхавъ въ Парижъ на нѣсколько дней, онъ познакомилъ меня со многими своими пріятелями.

Я весьма къ стѣбъ придумалъ обратишь новое знакомство съ знаменными въ свою пользу. Безъ него — обѣдая, или ужиная у всѣхъ по очереди, — какъ обыкновенно водилса — и сдѣлавъ привычку чипашъ на лицахъ, я часто бы переводилъ съ Французскаго на Англинской, что я сѣлъ за столъ не на свое мѣсто, и что на моемъ спулѣ могъ бы сидѣть другой, для общества несравненно меня пріятнѣе. По характеру моему думалъ я, что всѣ эти мѣста, одно за другимъ должно оставишь, пошому что не умѣлъ сберечь ихъ. Выдумка моя удалась, и дѣло — пошло своимъ чередомъ.

Я былъ представленъ старому Герцогу, которой опличался нѣкогда геройскими подвигами при Дворѣ Цитеры, и до сихъ поръ сохранилъ еще нѣкоторые признаки старинныхъ рыцарскихъ игръ. Онъ пришворся,

будто многого еще не знаешь, расспрашивалъ у меня объ Англичанахъ. —

„Мнѣ очень хочется, сказалъ Герцогъ, побывать въ Англии.“

Смѣю доложить Вашей Свѣтлости, что гораздо лучше труда не бздишь. Одинъ ласковой взоръ нашихъ Дамъ стоить великаго труда для Англинскихъ Вельможъ. — Послѣ этого Герцогъ пригласилъ меня къ обѣденному столу.

Главный опкупщикъ П* надблалъ мнѣ множество вопросовъ объ Англинскихъ сборахъ. — „Я слышалъ, сказалъ онъ, что сборы у васъ чрезвычайно велики.“

Можетъ быть они и были бы шаковы, отвѣчалъ я съ пренизкимъ поклономъ, естъли бы вы научили насъ собирать ихъ. — Богатой опкупщикъ позвалъ меня къ ужину.

Кто - то вздумалъ сказать Маркизшѣ де Ж*, что я уменъ. Маркизша и сама была очень

умна. Она неперѣбливо желала меня видѣть и поговорить со мною.

Прежде нежели успѣлъ я сѣсть, увидѣлъ, что ни кто не хотѣлъ даже и знать, уменьли я, или дуракъ. Мнѣ казалось, что для того только и пустили меня въ собраніе, чтобы удивляться уму Маркизиши. Клянусь Богомъ, что мнѣ не удалось ни одного слова вымолвить, а Маркизиша превозносила мой умъ до безконечности.

Госпожа В* увѣряла всѣхъ, что она никогда и ни съ кѣмъ не имѣла такого моральнаго разговора, какъ со мною.

Жизнь и владычество знашной Парижанки раздѣляется на три эпохи. Прежде бываетъ — *кокеткою*, потомъ — *Дейсткою*, а наконецъ — *Богомолкою*. Владычество ея существуетъ всегда, но съ тою разницею, что перемѣняются ея подданные. Невольники любви исчезаютъ въ концѣ ея тридцатипятилѣтія; мѣста ихъ заступаютъ *рабы невѣ-*

рія; а за ними слѣдуютъ — служители церкви. Госпожа В* балансировала между двумя первыми эпохами. Розы ея увядали, и мнѣ очень было примѣшно, что она — уже лѣтъ за пять до моего посѣщенія — должна быть *Дейсткою*.

Госпожа В* посадила меня на софу подлѣ себя, чтобъ удобнѣе разсуждать о Законѣ. Не прошло чешырехъ минутъ, какъ она мнѣ сказала, что ни чему не вѣришь.

Можетъ спасться, сударыня, вы такъ и думаете; однакожь и я не вѣрю, чтобъ вы находили какуюнибудь выгоду въ опроверженіи такого нужнаго устройства. Какая крѣпость устоитъ безъ ограды? Нѣтъ ни чего спасѣннѣ для красавицы, какъ быть *Дейсткою*. . . Символь вѣры обяыываетъ меня сказать вамъ это. Боже мой! сударыня, какія бываютъ опъ того бѣдствія! посудите, я не болѣе сижу возлѣ васъ вѣщи минутъ, а ужь нѣкоторая блажь успѣла войти въ мою голову. Кто знаетъ, можетъ быть я и по-

кусила бы слѣдовать моимъ стремленіямъ, ежели бы не былъ увѣренъ, что благоговѣніе ваше въ Религіи одблаетъ преграду въ ихъ успѣхъ?

Мы не невольники, сказалъ я, взявъ ее руку — и не должны быть скованы. Придетъ время, цѣпи сами по себѣ свяжутъ насъ. . . . Но, сударыня! прибавилъ я, поцѣловавъ у ней руку: теперь очень еще рано.

Слухъ разнесся по всему Парижу, что я обратилъ къ вѣрѣ госпожу В*. Она встрѣтилась съ господиномъ Д* и Аббатомъ М*, увѣряла ихъ, что я въ чешыре минушы наговорилъ ей въ пользу Религіи больше, нежели написано прошивъ нее въ цѣлой ихъ Энциклопедіи. Я былъ потчасъ помѣщенъ въ дружескую бесѣду госпожи В*, которая отсрочила еще на два года наступившую эпоху ея *деизма*.

Однажды бывъ у ней, старался я всему обществу доказать необходимость *первой вины*. Среди самыхъ сильныхъ убѣжденій, и тогда, какъ всѣ съ опимѣннымъ вниманіемъ слу-

нали, одинъ молодой Графъ де С^ввязавъ меня за руку, отвелъ подальше въ уголъ. „Вы не остереглись, сказалъ онъ мнѣ попихоньку: на васъ галстукъ очень туго повязанъ; надобно чѣмъ онъ развѣвался . . . посмотрите на мой. . . Я не хочу говорить вамъ больше; для умнаго и одно слово понятно, Г. Йорикъ.“

И одно слово, сказанное умнымъ, очень вразумительно, Графъ! Отвѣтъ мой. ему отменно понравился. Онъ поцѣловалъ меня съ такимъ жаромъ, съ какимъ не цѣловалъ меня ни кто во всю жизнь.

Недѣли три былъ я общимъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. — По чести! говорили одни: этакъ Йорикъ столько же уменъ, какъ и мы. Онъ удивительно разсуждаетъ, повторяли другіе. Не можешь быть его забавнѣе въ обществахъ, швердили прешьи. Мнѣ легко было бы за эту цѣну обѣдать безденежно во всѣхъ домахъ въ Парижѣ, и провождать жизнь мою въ кругу большаго свѣта. Но какой промыселъ! я слы-

дился и думать объ немъ. Такая роля прилична однимъ подлымъ рабамъ, но — совсѣмъ противна чувствованіямъ чести. Чѣмъ знашнѣе были посѣщаемыя мною общества, тѣмъ больше принужденъ бывалъ употреблять способъ, которому научился я въ глухомъ переулкѣ, по выходѣ изъ комической Оперы. Дружеская бесѣда въ Парижѣ тогда только заслуживала особое почтеніе, когда наполнялась льстецами; и чтобъ понравиться, — надобно было ихъ превзойти — мнѣ превзойти! — я сожалею и о тѣхъ.

Проведя одну ночь съ нѣкоторыми знашными господами въ работствованіи, мнѣ такъ сдѣлалось скучно, что я ушелъ спать, и приказалъ Лафлеру — на самомъ разсвѣтѣ сыскать почтовыхъ лошадей, чтобъ ѣхать въ Италію.

М а р і я.

До сихъ поръ не зналъ я безпокойства, происходящаго отъ богатства. Но какое зрѣлище для путешественника, когда Природа щедрою рукою сыплетьъ благодѣянія на трудолюбиваго земледѣльца; когда весь свѣтъ находится въ воспорахъ! На каждомъ шагу слышна музыка, призывающая къ упражненію счастливыхъ сыновъ трудолюбія; они съ радостію на лицѣ несутьъ къ шискамъ виноградные свои лозы.

Всякую минуту встрѣчалось мнѣ тысячи прелестныхъ разнообразныхъ группъ. Душа моя исполнялась сладчайшими сщущеніями.

Милосердый Боже! эсихъ благодѣяній и въ двадцати книгахъ описать не возможно. Но увы! повѣсть о *Марин*, бѣдной *Марин*, занимаетъ половину оспашка моей бумаги. — Другъ мой Шанди познакомился съ нею близь Амбуаза; и исторія этой злополучной и помѣшанной дѣвушки

чувствительнаго меня протала. — Прибавъ на Вдовой Ямб, не могъ вытерпѣть, чтобъ о ней не спросить, и для того пошелъ пѣшкомъ съ полмили, въ ту деревню, гдѣ жили ея родители.

Признаюсь, желая узнать горестныя приключенія, я очень походилъ на *Рыцаря печальнаго образа*. Право не знаю, какъ это случается; но никогда больше не увѣренъ въ существованіи моей души, какъ въ то время, когда я занятъ бываю несчастными приключеніями.

Старуха, мать *Маріи*, отворила мнѣ дверь, и прежде нежели открыла ротъ, я прочиталъ на лицѣ ея всю исторію. Она лишилась своего мужа: онъ умеръ за мѣсяць передъ тѣмъ съ горести, что дочь его *Марія* лишилась ума.

Мать боялась очень, чтобъ такое происшествіе не повредило вовсе разумъ ея дочери, однакожь случилось совсѣмъ напротивъ. Она стала приходитъ въ себя. *Марія* жало-

валась мнѣ, что ей всегда что-то дурно. Увы! продолжала старуха, заливаясь слезами: можетъ быть и теперь бѣдная дочь моя бродитъ гдѣ нибудь около деревни.

Отъ чего пульсъ мой бьется теперь такъ тихо? Отъ чего Лафлеръ — который ничемъ не занимается кромѣ веселости — опиралъ слезы свои два раза въ то время, какъ старуха рассказывала о своей дочери?

Я приказалъ почталіону повернуть лошадей къ Амбуазу. Не доѣзжая до города за полмили, увидѣлъ — на узенькой тропинкѣ, пролегающей къ виноградному кустарнику — несчастную *Марію*, сидящую подъ ивою. Она опершись рукою на колѣна, поддерживала ею голову. Маленькой ручеекъ прошекалъ близъ дерева. Я отправилъ Лафлера въ городъ, и велѣлъ приготовить для меня ужинъ.

Марія была въ бѣломъ платьѣ, и почти также, какъ описывалъ ее

мой другъ Шанди; но съ тою только разницею, что тогда, какъ онъ ее видѣлъ, волосы у ней были подобраны шелковою ленточкою, а теперь распущены. Сверхъ того она надѣла черезъ плечо блѣдно-зеленую ленту, на которой висѣла свирѣль. — На мѣсто козочки, которая сдѣлалась ей также невѣрна, какъ и любовникъ — лежала возлѣ нее маленькая собачка, привязанная на веревочкѣ къ ея рукѣ. — Я посмотрѣлъ на собачку, и *Марія* дернула ее къ себѣ. — „Ты, Сильвіо! ты хотя по крайней мѣрѣ не оставляй меня!“ сказала она. — Я усмремилъ на нее глаза, и замѣчалъ по слезамъ, которыми шекли во время ея словъ — что она болѣе думала объ отцѣ своемъ, нежели о невѣрномъ любовникѣ и непостоянной козочкѣ.

Я сѣлъ возлѣ *Маріи*, и она позволила мнѣ плашкомъ опираться у ней слезы. — Я отеръ имъ и свои, потомъ опять ея, потомъ опять мой — и, чувствовалъ въ себѣ такия ощущенія, которыя конечно не могли

произойти ни отъ какого смѣшенія матеріи съ движеніемъ.

О! я увѣренъ, что во мнѣ есть душа. Никакіе матеріалисты со всѣми своими доказательствами меня въ помѣ не переувѣряшъ.

Продолженіе о Маріи.

Не много спустя, *Марія* опомнилась. Я спросилъ у нее, не вспомнитъ ли она высокаго, блѣднаго и худощаваго мужчину, которой года два назадъ сидѣлъ между ею и козочкою? Она отвѣчала мнѣ, что въ то время была очень смѣшена, но не забыла его по двумъ обстоятельствамъ; первое, что эшотъ челоуѣкъ сердечно жалѣлъ о ея участи; а второе, что ея козочка утащила у него плашокъ, за что она ее наказала. *Марія* его нашла, вымыла въ ручейкѣ, и потомъ всегда носила въ карманѣ, съ шѣмъ намѣреніемъ, чѣпобъ его возвратитъ хозяину, когда она съ нимъ увидитъ, онъ обѣ-

щаль повидаться со мною;“ прибавила она, вынувъ платокъ изъ кармана. Онъ былъ обернутъ виноградными листьями, которые *Марія* по временамъ перемѣняла. Она развернула, и показала мнѣ на одномъ уголкѣ букву Ш.

Марія сказывала, что послѣ того была въ Римѣ, обошла вокругъ церкви Св. Петра — одна бродила по Аппенинскимъ горамъ — безъ денегъ пробралась черезъ всю Ломбардію, и безъ башмаковъ черезъ каменистыя мѣста Савоіи. Она ничего не упомянувши, чѣмъ питалась дорогою, и какъ могла перенесла столько безпокойства. „Милосердый Богъ,“ прибавила она, укрощаетъ вѣтры для обстриженнаго агнца.“ —

Агнца беззащитнаго, нѣжнаго, слабого! вскричалъ я. Ахъ! если бы ты была на моей родинѣ, я взялъ бы тебя въ мою маленькую хижину и шамъ укрылъ бы отъ всѣхъ горестей. . . Ты питалась бы однимъ со мною хлебомъ, пила бы изъ одной со мною чаши; я нѣжилъ бы швоего

Сильвіо — подкрѣплялъ бы твою слабость; когда заблужденіе твое вызывало бы тебя изъ жижины, я повсюду бы тебя опыскивалъ, и провождалъ опять въ убѣжище. . . При каждомъ захожденіи солнца, молился бы за тебя Богу — и по окончаніи молитвы ты играла бы пѣснь свою на свирѣли. — Жертвоприношеніе мое гораздо будетъ пріятнѣе Всевышнему, когда оно сопровождается гимномъ сокрушеннаго сердца!!!

Сказавъ это, я почувствовалъ страшное пререшаніе груди. *Марія* примѣшя, что плащокъ мой очень мокръ, хотѣла вымыть его въ ручейкѣ. Но гдѣ же ты его высушишь, милая моя? —

„На груди моей; мнѣ гораздо будетъ легче опъ шаго.“

Не ужели твое сердце до сихъ поръ горячо, моя любезная *Марія*?

Я коснулся до той струны, къ которой прицѣплялись всѣ ея горести. — Она нѣсколько минутъ

смотрѣла на меня помѣшанными глазами, попомѣ — не говоря ни слова, взяла свою свирѣль и заиграла Гимнѣ Богоматери. — Попрясеніе пронужной мною струны утихло. *Марія* пришла въ себя, положила свирѣль и вспала.

Куда же ты идешь, милая *Марія*? —

„Въ Амбуазу“ отвѣчала она.

Такъ пойдѣмъ вмѣстѣ.

Она взяла меня за руку и опустила веревочку, чтобъ дать свободу собачкѣ бѣжать за нами. — Мы пришли въ Амбуазу.

Разставаніе.

Хотя вообще мнѣ не нравятся *разставанія*, а особливо гдѣ много людей — однакожь я остановился посреди города проснитъся съ *Марією*.

Марія была небольшого роста, но стройна. Горесть оставила на ней печать свою. Она имѣла видъ привлекашелейной, и всю ту пріятность, какую только можно найти въ женщиѣ. . . Ахъ! естли бы она совершенно могла возвратишь свой разумъ, и естли бы изгладись у меня изъ сердца черты Лизеши моей, тогда бы *Марія*. . . О! я еще бы больше сдѣлалъ: *Марія* покоилась бы на груди моей — была бы моею дочерью.

Прощай, несчастная *Марія*! Елей и вино, изливаемые состраданіемъ спранника на раны швой, да облегчашъ скорби горестной. . . Существо, тебя создавшее, въ силахъ и излѣчить тебя!

Похвала чувствительности.

Я ожидалъ, что шоль прекрасная земля произведетъ величайшую радость въ моей душѣ, — но вышло напротивъ. Я не могъ восхищашься ея прелесшями. Никакіе веселые

предметы не сильны были развеселишь унылаго моего сердца. — Я безпрестанно думалъ о Маріи; воображалъ ее сидящую подъ ивою въ глубокой задумчивости съ расшерзаннымъ сердцемъ. Уже подбѣзжалъ я къ Анжирѣ, но Марія не выходила у меня изъ головы.

Милая *чувствительность!* неизчерпаемый источникъ совершенныхъ удовольствій и несносныхъ горестей! ты унижаешь своего спрдальца столь же часто, какъ и возвышаешь его до небесъ! Вѣчное начало нашихъ сщущеній! твоя сила производитъ во мнѣ такія движенія. — Душа моя въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ и гибельныхъ припадкахъ помился въ безпечности, и ужасается разрушенія тѣла, которое она оживошворяетъ. . . Я чувствую, что такое разрушеніе должно послѣдовать съ пріятнѣйшими удовольствіями. . . Все происходитъ отъ Тебя, Великій Правитель міра! Ты смягчаешь наши сердца и дѣлаешь ихъ сострадательными къ несчастіямъ другаго! По этому-то по-

бужденію другъ мой подходитъ ко мнѣ во время болѣзни, выслушиваетъ мой скорбной стонъ и ищетъ способовъ къ моему успокоенію. Это пріятное соспрананіе влагаешь Ты иногда въ душу загрубѣлаго пастуха, обипающаго на горахъ холодныхъ. Онъ приходитъ въ жалость, когда встрѣчаетъ разперзаннаго чужаго ягненка. — Я видѣлъ, какъ онъ опершись на свой посохъ, смотрѣлъ на него съ прискорбіемъ. Ахъ! естлибъ я пришелъ сюда ранѣе, вскричалъ онъ. — Бѣдной ягненокъ исходитъ кровью, умираетъ — и пастухъ впадаетъ въ уныніе.

Да благословитъ тебя Богъ, великодушный пастухъ! Ты идешь отсюда съ гореспію, но удовольствіе превозможетъ твою печаль потому, что счастье окружаетъ шалашъ твой. — Счастлива ты, копорая живешь въ немъ съ тобою! Счастливы тѣ овечки, копорыя во кругъ тебя прыгаютъ!

Ужинъ и — благодаренія.

Мнѣ захотѣлось захватить къ одному старому моему пріятелю, которой поселился въ маленькомъ городкѣ Анжу, за шесть миль въ право отъ Анжеры.

„По этой дорогѣ, говорилъ мнѣ почталіонъ, не вездѣ можно найти почтовыхъ лошадей.“

„Баринъ знаетъ объ этомъ, отвѣчалъ ему Лафлеръ: спускай куда велѣно.“

Въ это самое время отъ каменистой дороги выпала передняя подкова у лошади. Почталіонъ слѣзъ и положилъ ее въ карманъ. Мы не отъѣхали еще и одной мили, какъ выпала и другая. По такой дурной дорогѣ не возможно было безъ того ѣхать, чтобъ не засѣклись лошади. По крайней мѣрѣ должно было убавить клади; я вспалъ и пошелъ пѣшкомъ. Не далеко отъ дороги увидѣлъ домъ, и приказалъ къ нему повернуть лошадей. Видъ дома и

всего окружнаго строенія подавалъ мнѣ надежду поправить наши недостатки. Это былъ небольшой одного поселанина домъ, обсаженный прекраснымъ винограднымъ кустарникомъ. По одну его сторону видѣнъ огородъ, въ которомъ насажены разные овощи, нужные къ изобильному содержанію земледѣльческаго дома; а по другую маленькая рощица. Я оставилъ почталіона управляться съ лошадью, а самъ вошелъ въ домъ.

Сѣдой старикъ, жена его, сынъ, ихъ зятья съ женами и дѣтьми составляли семейство. Они сидѣли всѣ за столомъ и ѣли супъ изъ чечевицы. По срединѣ стола лежалъ большой пшеничной хлѣбъ; а буылки съ виномъ, распавленныя по угламъ, обѣщали нѣкоторое во время стола увеселеніе. Они праздновали день любви и дружбы.

Лишь только я къ нимъ показался, старикъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ и просилъ съ почтительною

искренностію сѣсть сѣ ними за столѣ. Мое сердце уже было расположено къ тому при самомѣ входѣ; я повиновался безѣ всякаго принужденія, какѣ будто былѣ ихѣ семьянинѣ; а чтобѣ скорѣе познакомиться сѣ ними — взявѣ у старика ножѣ, опрѣзалѣ себѣ большой ломоть хлѣба. Это такое произвело дѣйствіе, что всѣ оборотились на меня сѣ удовольствіемѣ, и, казалось, благодарили меня за мою смѣлость, которая имѣ была чрезвычайно пріятна.

Желалѣ бы я очень знать, опѣ чего ихѣ кушанье очень было для меня вкусно? опѣ чего простое ихѣ вино было такѣ сладко, что кажется и по сихѣ порѣ оно еще у меня во рту ???

Естьли столѣ былѣ по моему вкусу; то забавы послѣ него — еще больше мнѣ понравились.

По окончаніи *ужина* старикѣ спукнулѣ ножемѣ по столу. Это былѣ знакѣ встать и приготовитья къ пляскѣ. Въ одну минуту всѣ

женщины и дѣвушки ушли въ другую комнату завязывать свои волосы; а мужчины и мальчики побѣжали къ дверямъ умыть руки и надѣть башмаки. Минуты черезъ три всѣ были готовы къ началу праздника на маленькой площадкѣ, передъ самымъ домомъ. Старикъ съ старухой шли позади; подойдя къ дерновой скамѣйкѣ, они посадили меня между собою.

Старикъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ мастеръ играть на *рыляхъ* и до старости своей сохранилъ это искусство. Жена его припѣвала, а дѣти и внуки ихъ плясали. — Я самъ плясалъ съ ними мысленно.

Между пляскою примѣшилъ я, что глаза дѣйствующихъ поднимались къверху, а по тому заключалъ, что это означало какую нибудь другую причину, а не одно простое веселіе. — Короче: мнѣ казалось, что къ пляскѣ примѣшанъ инокшорой родъ богослуженія. . . Мнѣ никогда не случалось видашь подобнаго, — слѣдственно я начиналъ ду-

мать, что это одна мечта воображенія, кошорая часто меня обманывала; но старикъ по окончаніи пляски вывелъ меня изъ заблужденія.

„Съ начала моей жмзни, сказалъ онъ мнѣ, поставилъ я себѣ за правило, всегда послѣ *ужина* такимъ образомъ веселился. Мнѣ кажется, что человекъ такой непросвѣщенной, какъ я, лучше не можетъ *благодарить* Бога, какъ изліяніемъ сердечнаго удовольствія и душевной радости.“

И самый ученый Прелатъ, прибавилъ я, конечно этого не оспоришь!

Слѣдствіе осторожности.

Между маленькимъ городкомъ, куда я ѣхалъ, и Ренною — встрѣчаются горы, спуски, ручьи, овраги, кошорые дѣлають дорогу вовсе непроходимую. Прощайте всѣ спремительныя побужденія! Надобно ѣхать съ превеликою оспорожностію и какъ

можно пише. Я условился съ почталіскомъ взши меня шагомъ.

Окрестные обыватели хотя бѣды, но смирны и честны. Не бойтесь ничего, любезные поселяне! Свѣтъ не позавидуетъ вашей бѣдности — истинному основанію prosperousъ вашихъ добродѣтелей. Природа! посреди всѣхъ твоихъ неустройствъ ты благопріятствуешь скудосети. Повсюду изливаешь несчетные дары изобилія, а здѣшнему краю предоставила самую малость. Но эта малость ограждена безопасностію и покровительствуема собственною тобою. Тутъ сильный не отнимаетъ ничего у слабого. Счастливы тѣ жилища, которыя удалены отъ вождѣленій и зависти!

Пусть ронцетъ *утомленный* путешественникъ на опасныя ваши дороги, на каменистыя горы, на овраги, и на всѣ неудобства, которыя путь его дѣлаютъ труднымъ; но я, милые друзья мои! люблю очень между ими странствовать.

Жилиши собѣдственной деревни цѣлый день очищали одно мѣсто на дорогѣ, черезъ которое мнѣ должно было ѣхать. Мы остановились; а какъ они не могли прежде двухъ часовъ кончить своей работы, то не оставалось другаго средства, кромѣ терпѣнія. На ту пору пошелъ пресильной дождь, и повошикъ мой по неволѣ принужденъ былъ захватить въ корчму, въ близъ лежащую деревню.

Войдя въ нее, тотчасъ я занялъ спальню. — Воздухъ спанился очень холоденъ, и для того велѣлъ принести дровъ и изготовить ужинъ. Въ то время, какъ благодарилъ я Бога за то, что не случилось со мною еще чего нибудь хуже — пріѣхала въ корчму какая-то дама съ горничною дѣвушкою.

Во всемъ домѣ не было другой спальни, кромѣ моей, почему хозяйка безъ дальнихъ околичностей ввела ихъ ко мнѣ, предвара, что въ ней только одинъ Англинской господинъ, а двѣ мягкія постели и шрешья въ

боковой комнашѣ. По шону увѣдомленія хозяйки о претей постелѣ не лзя было заключать хоршаго. Хозяйка прибавила, что она смѣетѣ надѣяться, что Англичанинѣ устроишѣ все порядочно. . . А я съ моей спороны, чтошбѣ не подашь никакого сомнѣнія барынѣ — подшвердилѣ догадку хозяина собственнымѣ своимѣ увѣреніемѣ.

Но это однакожь не значило то, чтошбѣ я дѣлалѣ ее властелиномѣ надѣ моею комнашою. Я былѣ настоящимѣ хозяинѣ, и мнѣ слѣдовало угощать ихѣ. Посады барыню вѣ самой теплой уголѣ, велѣлѣ принести еще дровѣ, прибавишѣ нѣсколько блюдѣ кѣ ужину и не позабышѣ подашь кѣ столу самаго лучшаго вина.

Барыня попогрѣвшись у огня, взглянула на постели. Чѣмѣ больше она на нихѣ смошрѣла, тѣмѣ спокойнѣе казалась. Я и самѣ безпокоился за нее — да и за себя шутѣ же. И того довольно безпокойства, что обѣ постели стояли вѣ одной комнашѣ. Но всего болѣе превожило

то, что онѣ спояли одна возлѣ другой такъ близко, что кромѣ одного стула, ни чего не можно было между ими поставить. — Сѣ одной стороны былъ выпущенъ очажной колпакъ, а сѣ другой перекладина, которые сосставляли нѣкоторой родъ алькова, весьма непріятнаго для нѣжныхъ нашихъ чувствованій.

Впрочемъ кровати были такъ узки, что барыня ни какъ не могла положить сѣ собою служанку. Если бы нашла она въ этомъ возможность, то безъ сомнѣнія мое воображеніе не такъ бы много волновалось.

Чтожь принадлежишь до боковой комнаты, то она казалась мнѣ совсѣмъ неудобною; въ ней было и сыро и холодно, и окна перебиты. Вечеръ rivelъ шамъ ужасно, и я закашлялся, когда заглянулъ въ нее сѣ барынею. Избраніе мѣста не такъ было выгодно: или барыня должна была пожертвовать своимъ здоровьемъ для своего цѣломудрія, уступя постель горничной, двушкѣ; или

горничная дѣвушка должна была занять боковую комнату, и проч. и проч.

Барыня была молодая Piemontка около двадцати пяти лѣтъ, очень не дурна собою; а горничная дѣвушка Лионка, живая, проворная, и не старше двадцати.

Со всѣхъ сторонъ были неудобства; а болѣе всего намъ было стыдно объясниться другъ съ другомъ.

Ужинъ былъ готовъ; мы сѣли за столъ. Я думаю, что если бы намъ подали худое вино, то конечно языки наши были бы до тѣхъ поръ связаны, пока крайняя необходимость дала бы имъ свободу. — Но по счастью барыня привезла съ собою въ каретѣ нѣсколько добраго Бургонскаго вина, котораго приказала своей горничной дѣвущкѣ принести двѣ бутылки. Ужинъ кончился; мы остались одни. Мало помалу мы чувствовали въ себѣ доспапочную силу къ объясненію безъ оговорокъ о нашемъ положеніи. Мы продумали съ часъ, какъ бы расположить всѣмъ эшимъ. Наконецъ перебирая всякіе

способы, заключили между нами договорныя статьи, какія врядъ бывали ли и въ мирныхъ пракшатахъ. Вошъ онъ:

С т а т ь я I.

Право надъ комнатою принадлежишъ Господину Англичанину, кошорой, почиая ближнюю къ огню кровашъ покойнбе, долженъ уступитъ ее барынъ.

Утверждено со стороны барыни, не съ шбмъ однакожь, чшобъ завбсы оббихъ постель, кошорыя очень прозрачны, должны бышь зашпилены булавками, или и совсбмъ зашиты, въ помъ намбреніи, что это послужитъ оградю для Англичанина.

С т а т ь я II.

Требуется со стороны барыни, чшобъ Англичанинъ во всю ночь не скидалъ съ себя шлафорка.

Отказано пошому, что Англичанинѣ шафорка не имѣеиѣ; и во всемѣ его чемоданѣ ничего нѣтъ болѣе шести рубашекѣ, и одного чернаго шелковаго исподняго плашья.

Объявленіе о черномѣ шелковомѣ плашѣ засшавило перемѣнииѣ всю эту сшашью. — *Исподнее платье* признано вмѣсто шафорка, а пошому и положено, чтообѣ я всю ночь лежалѣ въ черномѣ шелковомѣ *исподнемѣ* плашѣ.

С т а т ь я III.

Потребно со стороны барыни, что какѣ скоро господинѣ Англичанинѣ ляжетѣ въ постель и пошаситѣ огонь, но чтообѣ онѣ не говорилѣ ни одного слова во всю ночь.

Принято, но сѣ шѣмѣ, чтообѣ чтение молишѣвѣ Англичанина не пошено было за нарушение тракташа.

Обѣ одномѣ пунктѣ только забыто: какимѣ образомѣ барыня и я должны были раздѣшья и лечь въ

поспелю. . . Одно было средство, которое Чипатель конечно угадаетъ. — Ежели оно не покажется ему самымъ лучшимъ — это будетъ недоспахокъ въ его воображеніи.

Наконецъ мы легли. Не знаю, по новости ли мѣста, или по какой другой причинѣ, я не только не могъ уснуть, но и не зашворилъ глазъ — ворочался то на шу, то на другую сторону. . . и это продолжалось до двухъ часовъ за полночь, когда ушмясь отъ бессонницы, вскричалъ: о Боже мой!

„Вы нарушили трактатъ, сударь!“ сказала мнѣ съ шоропливостію барыня, которая также не спала.

Я утверждалъ, что такое восклицаніе ни мало не противно условію; а она упорно стояла въ томъ, что это совершенное нарушеніе трактата, хотя я и оправдывался претвѣною спашьею.

Барыня не хотѣла уступить, и споръ нашъ ослабилъ нѣсколько

ограду... Мнѣ слышалось, что двѣ или при булавки выпали изъ завѣса.

По чести, сударыня, не я раз-
нпшилъ завѣсѣ, сказалъ я, пропя-
нувъ съ постели руку для лучшаго
убѣжденія. . . и только лишь хотѣлъ
прибавить: что ни за какія сокро-
вища міра не въ состояніи переспу-
пить за предѣлы вѣжливости, —
что я . . .

Горничная дѣвушка насъ под-
слушала, и спрашась непріятель-
скихъ нападеній съ моей стороны на
ея барыню, тихонько вышла изъ
своей комнаты, и въ темноиѣ про-
кралась въ промежутокъ нашихъ кро-
вашей. Я схватилъ ее за . . .

Конецъ второй Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй Части

ПУТЕШЕСТВІЯ ЙОРИКА.

	Стран.
I. Горничная дѣвушка.	3
II. Паспортъ. - -	11
III. Схворецъ. - -	15
IV. Невольникъ. - -	21
V. Анекдоты. - -	24
VI. Прошеніе. - -	27
VII. Сахарные пирожки.	32
VIII. Шпага. - -	37
IX. Способъ называться.	41
X. Времяпровожденіе.	50
XI. Отступленіе. - -	54
XII. Характеръ. - -	56
XIII. Испышаніе. - -	61
XIV. Non y soit qui tal y pense.	67
XV. Тайна. - - -	68
XVI. Дѣйствіе совѣсти. -	71
XVII. Загадка. - -	76
XVIII. Воскресенье. - -	79
XIX. Непредвидимое упражненіе. - -	84

XX.	Другой отрывокъ.	86
XXI.	Букетъ цвѣтовъ.	94
XXII.	Дѣйствіе благоотво- ренія.	96
XXIII.	Отгадка.	101
XXIV.	Опытъ.	102
XXV.	Марія.	110
XXVI.	Продолженіе о Ма- рин.	114
XXVII.	Разставаніе.	117
XXVIII.	Похвала чувстви- тельности.	118
XXIX.	Ужинъ и — благо- дареніе.	121
XXX.	Слѣдствіе осторож- ности.	125
